

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

13

**Мюнхен - Сан Франциско
1979**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. Штифанов. — К чему может привести нарушение грамматических правил?	1
Н. А. Нефедов. — Кому это надо?	3
В. Пирожкова. — Парадоксы	8
Д. Штурман. — Ленин. Детали этико-психологического портрета	15
В. Ингул. — Ночью и днем...	24
Игумен Геннадий (Эйкалович). — Что такое «Мессианизм»? . .	26
Владимир Рудинский. — Обзор зарубежной печати.	31
Письма в редакцию:	
Н. А. Нефедов. — Сага о казачьем генерале-вешателе или болезненный бред писателя	38
А. Шифрин. — Письмо журналу «Голос Зарубежья»	39

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№ 13 Июнь 1979

САН ФРАНЦИСКО

Н. ШТИФАНОВ

К ЧЕМУ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ НАРУШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ?

Русская грамматика предписывает при-
менять только единственное число для су-
ществительных, которые обозначают отвле-
ченные понятия, а также множество (сово-
купность) понятий (взятых как одно це-
лое. Например: бегство, мир (как антипод
войны), молодость, молодёжь, мясо, род-
ня, математика. К таким словам, без мно-
жественного числа, несомненно принадле-
жат: христианство, атеизм, марксизм-лени-
низм, социализм, коммунизм. При этом не
имеет значения, отражает ли данное слово
одиночное отвлеченное понятие или же
охватывает группу родственных понятий.

В самом деле, режет ухо и представ-
ляется совершенно немыслимым по грам-
матике существительное «христианствы»,
обоснованное тем, что нет одной христиан-
ской веры, а есть веры: католическая, пра-
вославная, несколько протестантских и мно-
го сектантских. При подобном словоупо-
треблении нарушается не только граммати-
ка, но и элементарная логика: нельзя под-
менять общее частным. Нельзя подменять
«мясо» словом «баранина», а «зелень» сло-
вом «петрушка».

Однако, помимо грамматики и логики,
на свете существует еще и пропаганда или
искусство влиять на чужие мозги. У про-
пагандистов многих современных «измов»
это искусство направлено на засорение чу-
жих мозгов и для такой цели они считают
допустимым применение любых доводов: за-
конных и незаконных, правдивых и лживых,
логичных и нелогичных, яснопонимаемых и
трудноуясняемых, изложенных понятным язы-
ком и захламленных заумными словами.

Возьмем, к примеру, призыв марксистов
скакнуть из царства необходимости в цар-
ство свободы и сопоставим с формулой тех
же марксистов: свобода — это осознанная
необходимость. Можете вы, читатель, это

воспринять здравым умом? Я лично не мо-
гу. В понятие «свободы» включен ее анти-
под — «необходимость» — и такая комби-
нация может только засорить мои мозги. Из
ясных представлений у меня, что такое сво-
бода и что такое необходимость, может об-
разоваться в голове некое месиво, при-
правленное диалектическим слововерчением.

Вот уже много лет советская пропаган-
да призывает всех к борьбе за мир («миру
— мир!»). Но одновременно той же совет-
ской пропаганде надо оправдать поставки
советского оружия для локальных войн во
многих странах, советскую агрессию в Венг-
рии и Чехословакии, кубинскую агрессию в
Африке и вьетнамскую агрессию в Камбод-
же. Для этой цели уже давно коммунисти-
ческие теоретики подготовили специальное
«учение о справедливых и несправедливых
войнах». Трюк здесь почти незаметен. Су-
ществительные «мир» и «война», при сопос-
тавлении один другому, должны оба при-
меняться в единственном числе. Вместо это-
го, для одного из этих понятий, употреб-
ляется множественное число (не «война», а
войны») и хитроумной диалектической схо-
ластикой утверждается, что «справедливые
войны» (т. е. войны, выгодные советским
коммунистам) должны быть составной ча-
стью борьбы за мир во всем мире. Ясно ви-
дим: в понятие «мир» попала «война» (при
чем «мир» сохранился нетронутым, в един-
ственном числе). Месиво готово. И вполне
пригодно для людей — пустых мешков: чем
их набьют, то они в себе и носят.

Все вышеизложенное совсем не ново,
не блещет никакими откровениями и давно
понятно нормально образованным и здра-
вомыслящим людям. И не было бы нужды
это печатать, если бы в журнале «Посев»
(январь 1979) не появилась статья под на-
званием «Коммунизмы». Автор статьи А. Ар-

темов известен как опытный журналист, идеолог и политик, вот уже четвертое десятилетие — активный антикоммунист. Эрудиция его такова, что отпадают всякие сомнения в незнании им грамматики, логики и искусства природы. И именно поэтому его статья вызвала у меня исключительный интерес, а также непреодолимое желание, в интересах правды, ему публично ответить.

Опуская аргументацию и рассуждения, отмечаю только главные вехи в его статье.

В первом же абзаце подменяется разное толкование марксизма-ленинизма в Москве, Пекине, Београде и других коммунистических центрах следующей формулой:

«ныне существует множество марксизмов-ленинизмов».

С тем же нарушением правил грамматики и логики, автор далее подводит читателя к идее разделения «коммунизмов» на «несправедливые» и «справедливые» (виноват, он этого не написал) или, иначе говоря, на «тоталитарные» и «демократические» (не виноват, он это ясно изложил). К «демократическим коммунизмам» он отнес идеологию трех западно-европейских компартий («еврокоммунизм») и японской компартии, которая

«куда как далеко пошла, выкинув из своих основных документов «марксизм-ленинизм» и заменив его «научным социализмом», о чем итальянцы и французы пока лишь дискутируют».

Далее автор старается убедить читателя в том, что

«... крупнейшие и старейшие компартии Европы, — итальянская, французская и особенно испанская, — все четче отмежевываются от изначальной тоталитаристической сущности, коммунистической идеи и все определеннее обращаются к правовым принципам великой европейской культуры. «Призрак Европы бродит по коммунизму» — так можно уже перефразировать начало Коммунистического манифеста.

И тут встает вопрос об отношении некоммунистов, или антикоммунистов, к новому явлению «демократического коммунизма» на политической арене. Споры тут неизбежны, и многое будет пока субъективным.»

Какую же позицию занимает автор в «неизбежных спорах»? Постараемся понять заключительные строки его статьи:

«Думается, наконец, что тактически и

логические закономернее признать место этого явления в плюралистическом диапазоне демократии, отчлняя его от тоталитаристического фронта и поощряя развитие правовых потенций в нем, а стало быть, в конечном счете, оказывая известный «кредит доверия».

Итак, хоть и не сразу, но все же ясно. Пока что доверяйте еврокоммунизму. И не удивляйтесь, если вскорости вам предложат включить еврокоммунизм в антикоммунизм, по крайней мере для целей борьбы с советским коммунизмом — вот истинная цель автора. И трудно, ох как трудно было бы утверждать, что его неправильно расшифровали.

Но даже в строгих пределах уже им написанного, мне хочется ответить: отвергаю! Не засоряйте мозги! Здравый смысл мне говорит: для убежденного русского антикоммуниста, «тактически и логически», совершенно аморально и вредно для дела вступать в союз или оказывать доверие или даже просто вести «творческие дискуссии» вообще с любыми политиками, мыслителями и общественными деятелями Запада, если они явно принадлежат к следующим категориям людей:

- шовинисты любых мастей и в особенности руссофобы;
- те представители «великой европейской культуры», которые высокомерно считают, что ужасы коммунизма в России вызваны всей русской историей и характером русского народа, но не светлыми идеями Запада о возможности рая на земле, каковыми были и остаются идеи атеизма-социализма-коммунизма (именно эти взгляды характерны для еврокоммунистов);
- ответственные деятели и журналисты, умышленно называющие СССР Россией, а коммунистов в СССР русскими и особенно те из них, кто обвиняет весь русский народ (а не коммунистов) в захвате других стран и угнетении других народов;
- горе-идеологи, считающие, что всякий народ достоин своего правительства и что «русским так и надо»;
- «интеллектуалы» с узким кругозором, которым малоинтересно, что творится в СССР, лишь бы им было хорошо сегодня, ну, скажем, и завтра, а дальше, что Бог даст;
- циники и бизнесмены, помогающие (не на словах, а на деле) коммунистам СССР сохранить свою власть, ибо ком-

мунисты — большие мастера разваливать экономику, а это позволяет иметь хороший экспорт товаров в их страну;

— и, наконец, изверги, мечтающие о полном уничтожении России, по возможности вместе со всеми русскими, после массивного удара по ней ядерными бомбами и ракетами.

«А вот у нас, в западной Европе, было и есть в традиции уважать человека, его права и его свободу» — говорят демократы, а теперь вторят им и еврокоммунисты.

Знаю! Слышал не раз. И даже испытал на себе. В 1945-м году, во французской оккупационной зоне. За деятельность в точности такую же, как в то время у А. Артемова (преподавание в Дабендорфе) меня как «военного преступника», выдавали на

расправу советским коммунистам, и французский коммунист, выводя из подвала жандармерии на допрос в советско-французской комиссии, приставил к моим ребрам револьвер и произнес по-русски:

— Расстрэль! Расстрэль! Понимаешь?

Был у меня в то время полный «кредит доверия» к западной демократии и вот именно на этом я и попался. Так же, как и все власовское движение...

И если, не дай Бог, в близком будущем еврокоммунисты станут правителями в западной Европе, — не исключена серьезная опасность, что с изобретателем существительного «коммунизмы» случится та же история, что и со мной в 1945-м году:

— Расстрэль! Расстрэль! Понимаешь?

Господи! И к чему иногда может привести простое несоблюдение правил грамматики!

Н. А. НЕФЕДОВ

КОМУ ЭТО НАДО?

Небезизвестный советский диссидент А. Амальрик опубликовал в газете «Новое Русское Слово» (от 14 марта) письмо, в котором приписал мне защиту дореволюционной каторги, ссылки и прочих злокачественных институтов. А пытается г. Амальрик представить меня каким то «черносоптенцем» только за то, что я писал, что какие бы в дореволюционной России плохие законы и порядки ни были, но сравнение их с советским рабовладельческим режимом, как это делает г. Амальрик, не выдерживает никакой критики.

Приемы, которыми пользуется г. Амальрик хорошо известны по «Правде» и «Литературке» — чтобы сразить своего противника, все переворачивается шиворот-на-выворот. Я писал буквально следующее: «Я далек от мысли идеализировать социальную структуру и порядки старой России», а в ответ на это г. Амальрик мне отвечает: «Те, кто хочет защитить старую Россию, могут найти более достойные вещи, чем департамент полиции, каторга, тюрьма» и т. д.

Оставляя на совести г. Амальрика это заявление, которого я не делал, я отмечу тем не менее, что не только бесправный, тоталитарный коммунистический режим ничего общего с дореволюционной Россией не имеет, но и царская ссылка и даже катор-

га по линии бесправности заключенных и арестантскому режиму далеко, очень далеко отстают от советских истребительных лагерей. А о масштабах и говорить не приходится. Если в дореволюционной России, по сведениям не кого-нибудь, а самих социалистов, находилось в ссылке около 8.000 политических преступников, то в советских, так называемых исправительно-трудовых лагерях — около 15 миллионов, а по некоторым сведениям — даже 20 миллионов. Это в какой же пропорции получается, г. Амальрик?

В своем бессмертном труде «Архипелаг ГУЛАг», приводя выдержки из трудов Короленико, Якушевича, Чехова и Достоевского (даже в середине прошлого столетия, при самом самодержавном царе Николае I, на каторге, где сидел Достоевский, каторжане находились в несравненно лучших условиях, чем советские з/к в советских кацетах. А ведь все каторжане были посажены не за антиправительственный анекдот или выражения недовольства, как подавляющее число з/к, а за убийства, конокрадство и т. д. Как отметил Достоевский, только один был невинно осужден); а также ссылаясь на свидетельства бывших царских политзаключенных (Фастенко: — Мне бы раньше царский надзиратель не посмел

бы «ты» сказать) и сравнивая условия работы, питание, снабжение одеждой и помещения заключенных, Солженицын приходит к заключению, что дореволюционный суд, законы, тюрьмы и ссылка даже намеком не могут идти в какое-то сравнение с советскими. Так кто же прав: А. Амальрик или А. Солженицын?

Доказывать что-либо г. Амальрику — дело бесполезное, ибо, пренебрегая самой примитивной логикой, он просто не может (или не хочет) понять самых простых вещей. Однако на его демогогические утверждения ответить нужно, хотя бы уж для того, чтобы показать, как выкладывают свои карты клеветники России, не — СССР, а исторической России.

1) Он пишет, что поскольку я утверждал, что «до революции преследовались только лица представляющие угрозу существующему строю — организаторы подпольных ячеек, создатели нелегальных типографий и т. д.», то, ведь, и советские власти посадили Буковского, Ю. Галанскова, собиравшего деньги для печатного станка, или Огурцова за создание подпольной ячейки.

Прежде всего: если бы Галансков собирал деньги для покупки станка в дореволюционной России, но не успел напечатать воззвания к восстанию или, скажем, призыва убить царя, министра или губернатора, то никакой российский суд его судить не мог, ибо он мог судить только за совершенное преступление. Но у советского суда своя, установленная Лениным, юрисдикция — судят не только за действия, но и за крамольные мысли. И Галансков получил, если не ошибаюсь, 7 лет истребительного лагеря, и он погиб. Ну, а если бы он станок приобрел (в дореволюционной России) и напечатал антиправительственные воззвания, то, возможно, просидел бы месяц-другой в тюрьме или, на плохой конец, поехал бы на 2-3 года в ссылку в Вологодскую или Томскую губернию, где, как и Ленин, получал бы денежное пособие и стрелял зайцев (замечу, что за печатание антиправительственных воззваний в получивших независимость Польше, Литве или Латвии давали 3-4 года тюремного заключения). Тоже самое с Огурцовым — за организацию подпольных ячеек в дореволюционной России его бы выслали на 2-3 года куда-нибудь на Иртыш, где он, как и Сталин, скуки ради, удил бы рыбу; а, возможно, — в Крым. Не верится, но ссылали и в Крым. Об этом свидетельствует писатель Александр Грин. В своей «Автобиографической повести» он пишет:

«Революционерка Киска была центром севастопольской организации (...) Киска имела связи среди матросов. Сама она была сослана из Петербурга в Севастополь на три года под надзор полиции. Я долго ломал себе голову, стараясь понять, чем руководствуется охранное отделение, посылая революционеров в такие центры как Севастополь, но никакого объяснения не нашел».

Дальше А. Грин пишет, что сосланная Киска, несмотря на надзор полиции, продолжала заниматься революционной деятельностью и организовала побег революционеров из Севастопольской тюрьмы. В конце концов, терпение «ужасающей» царской охраны лопнуло, и ее за непрекращающуюся революционную деятельность и за организацию побега заключенных выслали этапом в Архангельск. Словом, не хотела жить на солнечном юге — поживи на севере. Из Архангельска Киска уезжает в... Швейцарию. И нет сомнения — прямо к Ленину.

А ну, прикинем дело Киски к советской действительности. Можно ли представить, что за все ее дела, КГБ наказал бы Киску только тем, что из одного портового города послал в другой? А там и за границу не трудно.*)

И. Огурцов только организовал ячейку; и никаких побегов из тюрьмы не организовал, но КГБ не охранка — ни в какой город его не выслали, а заперла в исправительно-трудовой контр. лагерь, в котором, несмотря на заграничные протесты, держит его вот уже 15-й год. И Буковский сидел бы по сегодняшний день, если бы на помощь ему не пришли т. н. «чилийские фашисты». Кстати, немного удивляет, что Буковский так и не нашел нужным гласно отблагодарить за свое спасение Чилийское правительство.

Но я то, собственно, совсем не писал о тех политзаключенных, которые как-то боролись против советской власти, а о том, что в СССР люди приговариваются к долгосрочным срокам за одно неосторожное слово, выражение недовольства отсутствием товаров и т. д., за что до революции их не наказали бы даже одной неделей ареста. Разве можно себе представить, что бы людей судили, ну, хотя бы за приведенное Солженицыным в «Архипелаге ГУЛаг» (том III, стр. 289):

*) В своей книге «Тюрьмы и ссылки» Иванов-Разумник тоже рассказывает, как был сослан в царское время в Крым. (Прим. редакции).

«Портной, откладывая иголку, вколол ее, чтобы не потерялась, в газету и попал в глаз Кагановичу. Клиент видел. 58-я, 10 лет.

Продащица записывала товар на газетном листе, другой бумаги не было. Число кусков мыла пришлось на лоб Сталину. 58-я, 10 лет (террор).

Матрос продал англичанину зажигалку — «Катюша», как сувенир за фунт стерлингов. Подрыв авторитета родины, 58-я, 10 лет.

Пастух в сердцах выругал корову за непослушание «колхозной б...» — 59-я, срок».

Я осмелюсь задать вопрос г. Амальрику: На какой срок был бы осужден царский матрос за проданную зажигалку; или пастух, обругавший помещицу корову? И за него ответу: даже ни на один день ареста. А в «прогрессивной» советской республике — 10 (десять!) лет. Не кажется ли после всего этого, что все доводы г. Амальрика о преемственности большевиками дореволюционных методов не что иное, как безответственная демагогия и попытка очернить Россию.

2) Г-н Амальрик не только не видит большой разницы в преследовании политических в России и СССР, но имеет смелость заявить, что царская ссылка и ссылка советская остается все же ссылкой — разница только в масштабах. Верит ли сам господин Амальрик тому что пишет? Возьмем к примеру Колыму, как местность, в которую ссылались политические и до революции. Что представляет советская колымская ссылка мы знаем из «Колымских рассказов» Шаламова и других свидетелей — уцелевших з/к. Сотни тысяч сосланных, по большей частью ни в чем неповинных людей, погибли в этом советском аду от голода, стужи, непосильных работ, а то и просто забиты «дрынями» или заколоты штыком. Не только в Сов. Союзе, но и в Польше, Венгрии, Чехословакии Колыма стала синонимом гибели, мучительной смерти. А теперь посмотрим, чем отличалась ссылка на ту же Колыму до революции. Писатель В. Богораз, сосланный на Колыму в 1890 г. за организацию восстаний и устройство нескольких нелегальных типографий, в своих Автобиографических записках пишет следующее:

«К тому времени в Колымске жило около пятидесяти ссыльных». Итак, всего 50, а при «прогрессивном» коммунистическом строе на той же Колыме количество ссыльных доходило до 100 тысяч, причем, как правило, выживало всего около 20 процентов. 50 ссыльных против 100,000! а для А. Амальрика — разница «только в масштабах».

Но продолжим повествования В. Богораз:

«Ссылная Колыма, или, как ее называли сами обитатели, «Колымская республика», жила трудно, но ярко и весело, не унывая... Трудились много — рыбы ловили на каждого в год пудов 60».

60 пудов в год. Подсчитаем и получим, что на каждого ссыльного в день выходило по 6 фунтов только рыбы (а где оленье мясо, которое ссыльные получали в буквальном смысле — за гроши?), а рыбный паек советского з/к составляет 70 граммов, т. е. в 40 (сорок!) раз меньше. Съесть 6 фунтов рыбы, конечно, ни один ссыльный не мог. Надо полагать, что она скармливалась ездовым собакам, о которых сообщает ссыльный Богораз:

«У ссыльных были уже ездовые собаки, невода, лодки, появились даже невиданные в тех краях огороды...

В долгие зимние вечера и ночи ссыльные читали, спорили, учились. С местным населением ладили отлично; полицейские, которых было на Колыме всего 15 человек, боялись ссыльных, как огня».

Конечно, поскольку несчастные ссыльные ничего не делали, то могли себе позволить спорить все ночи напролет и планировать мировую революцию — утром же никто не закричит: «Подъем!» — можно отоспаться и днем. А теперь попробуем представить вернувшихся с работы советских з/к, и вместо того, чтобы от непосильной работы и голода трупами повалиться на нары, принялись учиться или спорить ночи напролет. И какой же фантазией нужно обладать, чтобы хоть на минуточку представить верховцев, боящихся как огня своих заключенных! И потом, простите, 15 полицейских на весь Колымский край? Прямо не верится.

3) «Почему марксизм так легко привился в России и именно на русской почве принес страшные плоды?» — спрашивает А. Амальрик и сам отвечает:

«Одной из причин — слабо развитое правосознание, сильное ограничение прав личности... Привычка народа к таким методам управления позволила большевикам их перенять» и т. д. в том же духе.

В свою очередь зададим вопрос г. Амальрику: Кайзеровская Германия была демократичнее России — в германском правительстве социал-демократы играли немалую роль. А после Кайзера в Германии была такая же свобода, как и в Америке или Франции — уж лучше поменьше. Ни слабого развития правосознания, ни ограничения прав лично-

сти немцам, как и итальянцам, приписать тоже нельзя. Так чем же тогда объяснить приход к власти в Германии национал-социалистов, а в Италии — фашистов? Какими историческими предпосылками, немецкими Иванами Грозными объяснить средневековый режим гитлеровцев, такой же устрашающий, как и режим российских коммунистов? Правда, фашистский режим в Италии был на много мягче, чем национал-социалистический в Германии или коммунистический в России — если Гитлер и Ленин были хищными стервятниками, то Муссолини — драчливым петухом. Но все же!

Итак, г. Амальрик отмечает, что, мол, **«марксизм легко привился в России»**. И это пишет историк. Что же он не знает, что марксизм одержал в России победу только после трехлетней ожесточенной Гражданской войны (а на Дальнем Востоке она продолжалась 5 лет); после трех грандиозных восстаний в Ярославле, Кронштадте, Тамбовской губ. и многих других сравнительно небольших, после упорного сопротивления крестьян коллективизации, во время которой погибли миллионы и миллионы. А по исторiku А. Амальрику — **«марксизм легко привился»!** Стоит ли после этого напомнить ему, что национал-социалисты в Германии, и фашисты — в Италии, пришли к власти **без всякого сопротивления**. (В Германии даже по вполне законному голосованию), а ведь эти культурнейшие европейские страны, не в пример России, никакой «русской авторитарной традиции» за собой не имели.

4) Еще пытается г. Амальрик подвести депортацию советским правительством волжских немцев, крымских татар, чеченцев и калмыков к какой то «массовой депортации» евреев во время 1-й Мир. войны из прифронтовой полосы.

Прежде всего, эвакуация, которую по понятным причинам г. Амальрик предпочитает называть «депортацией», из прифронтовой полосы и местностей, которые попадали под германскую оккупацию, касалась не только евреев, не «по этническому признаку», как это, явно передергивая, утверждает г. Амальрик, а всего населения, независимо от национальной принадлежности. Так, например, из Курляндии в глубь России было эвакуировано около 200 тысяч латышей. Как хорошо известно, латыши были самыми большими ненавистниками своего исторического врага — немцев, и верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, внимая просьбе латышских членов Думы, разрешил им формировать свои национальные войска — латышские стрелковые бригады, и именно он дал

и приказ об эвакуации не только евреев, но и поляков, литовцев и латышей. И совсем, разумеется, не по той причине, что считал их всех «шпионами», а только потому, чтобы они не попали под владычество врага. И если бы Германской армии во время 1-ой Мировой войны удалось дойти до исконных русских земель, то было бы эвакуировано и русское население. Таковы исторические факты и Амальрику, как исторiku, об этом следовало бы знать.

Однако я не буду отрицать, что какие то группы евреев были высланы по ложному обвинению. Но куда их выслали: на Воркуту, на Колыму, в Казахстанские степи? т. е. туда, куда депортирует своих нацменов советское правительство? Ничуть не бывало, они были размещены в таких городах, как Харьков, Киев, Одесса, Николаев, где были организованы еврейские общины. Но, собственно, о каком огульном обвинении в шпионаже евреев может идти речь, когда советский писатель К. Паустовский, побывавший в 1915 г. на фронте в качестве санитаря, в своей автобиографической «Повести жизни» пишет совершенно противоположное:

«К вечеру мы добрались до местечка Вышницы (...) Старые евреи с повязками на рукавах — временная военная милиция — бегали по домам и стояли население рыть окопы».

Спрашивается: если русское командование преследовало бы евреев, то стало бы оно включать их в Военную милицию — а раз военная, то было выдано и оружие — и поручать им сгонять население рыть окопы?

Дальше Паустовский рассказывает о эвакуации евреев во время отступления, и замечает, что начальство дало приказ санитарам выдавать беженцам горячую пищу. Размер статьи не позволяет много пересказывать, поэтому ограничить приведением одной сцены:

«В Кобрине мы видели, как увозили из местечка еврейского святого, т. н. «цадика». У дверей стоял возок, запряженный четверкой лошадей. Тут же, спешившись, курити драгуны. Это, оказывается, был конвой для охраны цадика в дороге. Цадика уложили в возок, туда же сели старухи и конвой и возок тронулись».

Паустовский еще замечает, что этот жест русского командования является проявлением гуманности — зная, что «цадик» является для евреев почитаемым человеком, командование послало для его охраны конвой. Не верить Паустовскому нет никакого основания. Так как он был право-

верным идейным и партийным коммунистом, не в его интересах было идеализировать российские порядки (обыкновенно он, как и А. Амальрик, пачкал Россию черной краской).

И после всего этого г. Амальрик бесцеремонно заявляет: «Имевшее право ссылать без суда, существовало как после революции, так и до революции. Еще два примера: массовая депортация по этническому признаку и взятие заложников» (!?). (Об этих заложниках мы поговорим ниже).

Но не будем очень строги, поверим и г. Амальрику, что методы огульного обвинения своих национальных меньшинств в неблагодетельности, сопровождающиеся полицейскими репрессиями, коммунисты позаимствовали от российских властей. А если так, то невольно встает вопрос: — А не позаимствовало ли в свою очередь российское правительство эти самые «методы» от своего союзника — демократического правительства Великобритании? А, может быть, Черчилль даже их посоветовал? Как известно, сразу после объявления войны Германии, британские власти арестовали и посадили за колючую проволоку специальных лагерей всех проживающих в Англии немцев, в том числе и ставших британскими подданными, а заодно и переселившихся из Германии в Англию немецких евреев. То же самое было сделано и в США — все американские немцы были интервированы в лагеря, хотя многие из них уже успели стать американскими гражданами. А во 2-ую Мировую войну, так сказать, уже по традиции, все американцы японского происхождения, в том числе и родившиеся в Америке, были выброшены из своих квартир и домов, и посажены за колючую проволоку вплоть до окончания войны. Ну и, конечно, если бы подобное было сделано в дореволюционной России, то г. Амальрик объяснил бы это «Полицейским характером Российской империи», но раз эти акции были проведены в Англии и США, то это уже не «полицейский характер», а необходимые военные меры. Не так ли?

Правда, в первые дни войны, под горячую руку, в России были разбиты витрины и сорваны вывески в некоторых немецких магазинах, но уж никак не по распоряжению свыше, а по инициативе «пламенных патриотов». Но что-то не было слышно, несмотря на все заверения г. Амальрика, чтобы российское правительство сажало по одному национальному признаку.

5) Взятие заложников в дореволюционной России! Мне сдается, да простит меня

г. Амальрик, он плохо разбирается в обозначении «заложники», ибо в противном случае он вряд ли написал эту нелепость. Заложники — это люди, схваченные бандитами, чтобы угрозами их убить, заставить заинтересованных в сохранении жизни жертв или правительства выполнить их требования: освободить сидящих в тюрьмах своих коллег, получить денежный выкуп и т. д. В государственном масштабе институт заложничества впервые в России (во всяком случае со времен Екатерины II) ввел Ленин, и, если не ошибаюсь, сразу после покушения на Урицкого. Тогда Ленин объявил, что если будет совершено покушение на правительственное лицо, то посаженные в тюрьмы заложники — «классовые враги» — будут расстреляны. И расстреливали. Но какое Российское правительство и когда посадило хоть одного заложника и потребовало, что если его друзья или родственники не выполнят то-то и то-то — он будет казнен? Может ли г. Амальрик привести хоть один такой случай, одно имя? — конечно, **не может**. Так на каких наивных простачков он рассчитывает? Может быть, на читающих русскую газету американцев? — те всему поверят. Но не русские.

Против критики некоторых российских законов и особенно — ее социальной структуре — возражений нет. Но критика эта должна быть по существу, без демагогии и тенденции. Но когда говорится о практике до революции заложничества, то это уже не критика, а безоснованное обвинение, злостное искажение фактов, продолжение дешевой большевистской агитки, в стиле сталинских лакеев — В. Маяковского или Валентина Катаева, который, побывав в Америке, написал, что, мол, в США любой полисмен может застрелить негра и ничего ему за это не будет.

В подтверждение тому, что дореволюционное правительство и пореволюционное-советское — одного, мол, поля ягода, г. Амальрик приводит сказку о котенке и тигре:

«Котенок (т. е. российское правительство) царапает руку, — пишет Амальрик, — тигр (советское правительство, Н. Н.) разрывает на части — но не следует забывать, что оба они одной породы».

Так бы — не так. Но, как говорится в пословице, на каждую сказку есть и присказка. Миллионы людей живут не только с котятами, но подчас и с довольно злыми котами под одной крышей, часто в одной комнате. Хотя эта кошачья порода и царапается, но смазав царапину йодом, о ней

забывают через несколько минут. Многим одиноким людям кот или кошка заменяют членов семьи и помогают им скоротать одиночество. А в Англии свои коты, как и собаки, определенно считаются членом семьи. А вот с тигром (т. е. советской властью) жить в одном помещении люди никак не могут. Те же оригиналы, которые поселили тигра в своем доме, жестоко поплатились: или они, в конце концов, получили увечья или были загрызены на смерть. Как мы видим, теория об «одной кошачьей породе» оборачивается против самого автора — историка А. Амальрика. *)

Поливание грязью России началось еще задолго до революции; а после захвата власти Лениным эта грязная работа начала проводиться уже в государственном масштабе. Вот уже 60 лет ленинские послышались составляют в клевете, что в России был такой деспотизм, такая нужда, несвобода, что было нестерпимо жить и следовательно нужно благодарить «родную коммунистическую партию», выведшую российских народы из тьмы кромешной и ведущий их к «светлому коммунистическому будущему». И поэтому только коммунисты имеют право стоять у власти. Все это для отвлечения своих граждан от беспросветной советской действительности: полунищенского существования, вечного недостатка продуктов и одежды, духовного рабства, произвола, беззакония.

В 30-ых годах у российских коммунистов появились конкуренты — германские национал-социалисты. Запланировав превращение России в германскую колонию, Гитлер поручил теоретикам национал-социализма, Геббельсу и Розенбергу, создать теорию о «неполноценности русского народа». Нацисты отдавали себе отчет, что превра-

щение европейского народа, хотя и отстающего от Западной Европы, но тем не менее имеющего не только тысячелетнюю историю, но и мировые достижения во всех отраслях искусства и науки, в колониальных рабов, вызовет возмущение не только европейских и американских народов, но и лучшей части самого немецкого населения. Нужно было уничтожение России, как государства оправдать. Еще задолго до войны повелась агитация не только против коммунистической державы, но и вообще против России как таковой. В многочисленных брошюрах и псевдо-исторических книгах доказывалось, что, мол, в России дело не в большевиках, а в том, что и до революции в ней процветали варварство, азиатский деспотизм и т. д. — все, что можно было прочитать в 1-й части истории ВКП(б). Но, не в пример ленинцам, гитлеровцы утверждали, что весь этот деспотизм и методы правления, так сказать, по наследству, переняли большевики, и разница между правлением царским и советским — небольшая — именно то, в чем нас заверяет теперь г. Амальрик. А раз так, то и после уничтожения большевизма германскими силами, русские не будут в состоянии организовать благоустроенное цивилизованное государство, и следовательно, будет лучше для самих же русских, если этим займется немцы.

Как мы видим, утверждая, что большевики все позаимствовали от императорской России, национал-социалистические идеологи преследовали определенную цель, и следовательно, с их точки зрения, их, с позволения сказать — теория, имела какое-то оправдание. А какую, собственно, цель преследует г. Амальрик, когда искажая российскую действительность, пытается убедить как раз в том, о чем распространялись гитлеровцы, т. е. — о наследственности и приемственности большевизмом российских «деспотических методов правления»?

Кому это надо?

*) Историк ли А. Амальрик? Согласно новым сведениям, он лишь недоучившийся журналист. — Прим. ред.

В. ПИРОЖКОВА

ПАРАДОКСЫ

1. СТАТЬЯ - ОБОРОТЕНЬ

Статья А. Зиновьева «За что боролись, на то и напоролись» (Синтаксис №3) начинается как будто бы хорошо: описывается действительное положение в Сов. Союзе, спрашивается, отчего это произошло, неуже-

ли оттого, что неправильно истолковали, исказили Маркса? О нет, видимо, результат должен был быть отрицательным. С этим выводом соглашаемся. Или нехорошие люди в руководстве исказили прекрасные ленинские принципы? — спрашивает Зиновьев

ев насмешливо. Нет, мы тоже согласны, не исказили. Ленинские принципы именно такими и были, все построили правильно по ленинским принципам. Мы согласны. Но между вопросами о том, искажен ли Маркс или Ленин, Зиновьев вдруг вставляет фразу: «Или группа заговорщиков захватила власть, изнасиловала несчастный, добрый народ и навязала ему такой нелепый образ жизни? Ведь есть же люди, которые думают, что советский народ немедленно сбросит свою власть, если ему дать свободу избрания или неизбрания этой власти». (стр. 7-я.). Вот, как говорится, попал пальцем в небо! То шла речь о Марксе и его учении, а то вдруг перескок на русский народ. Что между ними общего? Впрочем, ведь не русский, а советский народ. Да, вот ведь есть же люди, которые думают, что такой народ существует! А когда Ленин с группой заговорщиков захватил власть, — потому что это именно так и было, — тогда тоже уже был советский народ, который с восторгом начал строить описанное А. Зиновьевым общество? Может быть Зиновьев думает, что был. Ведь написал же он, что родился в 1922 г., и мать его была колхозницей?! Впрочем, кто знает, может быть, она была такой коммунисткой-активисткой, что организовала какой-нибудь показательный колхоз уже в 1922 г. и в этой сверхкоммунистической активистской атмосфере вырос Зиновьев? Хорошо было бы, если бы он нам это подробнее объяснил, чтобы мы знали, какие впечатления определили его детство и юность.

С. Рафальский в своей статье «Два вопроса» (Новое Русское Слово, 21 апр. 1979 г.) пишет о полном незнании Зиновьевым истории. Очень возможно, что его невежество в этой области велико. Но только ли это невежество?

Проследим его статью дальше. Общества, говорит он, строятся по каким-то определенным законам, о которых основатели марксизма и их теперешние последователи не подозревали и не подозревают. А Зиновьев подозревает? С. Рафальский правильно указывает на то, что он эти законы не называет. Есть какие-то законы, и по ним все правильно строится, но что это за законы — темная вода.

«И на Западе, если нечто подобное будет строиться здесь, построится все равно нечто советскообразное», — пишет Зиновьев. Мы соглашаемся: да, если нечто подобное будет строиться на Западе, т. е. коммунизм, то построится нечто аналогичное. Казалось бы, мы вместе с Зиновьевым нащупали закон: если марксистско-ленинская идеология будет насильно внедряться в

жизнь какого-либо народа, то получится страшное общество, (а оно может только насильно внедряться). Этот тезис был бы ясным. Нашлись бы люди, которые с этим тезисом не согласились, — но это уже другой вопрос. Само утверждение было бы вполне ясно, мы бы с ним вполне согласились. Делает его Зиновьев? Нет. Начав с марксизма-ленинизма он без всякого объяснения переходит на народ и затем на массы. Построили, мол, правильно в соответствии с марксизмом-ленинизмом и одновременно с чаяниями народа, чаяниями масс. И все это без малейшего перехода, без разъяснения, без различия феноменов, все в одной куче. Нет, опять-таки прав С. Рафальский: профессор математической логики Зиновьев ~~не~~ логикой не «страдает». Логика в его рассуждениях при всем желании обнаружить нельзя.

Итак, народы бывшей Российской империи чаяли всегда насильственной коллективизации, смерти своих детей от голода, расстрелов для себя самих, массовых концлагерей, массовых депортаций в Сибирь и пр. и пр. А народы Западной Европы этого тоже чают или нет? Ведь на территории быв. Российской империи все это построилось, потому что массы чаяли. Или потому, что внедрялся марксизм-ленинизм? У Зиновьева не разберешь. Полный сумбур. Так мы и не узнаем, чают ли западно-европейские народы в соответствии с марксизмом-ленинизмом себе концлагерей и прочей «счастливой жизни» или нет. Жаль. Хоть бы А. Зиновьев не поспешил приоткрыть завесу своих «социологических законов», где марксистско-ленинская идеология вдруг превращается в народ как в сказках волк-оборотень вдруг становится человеком.

Но вот мы подходим к центральному месту рассуждений А. Зиновьева: «Возьмем такой факт как массовые репрессии после революции и при сталинизме. Что это такое? На мой взгляд, это и есть народовластие в реальном его исполнении. Это и есть подлинная свобода, доведенная до предела. Это — власть народа». (стр. 9). «С нами крестная сила!» — восклицает С. Рафальский. Да на этот цинизм, доведенный до конца, трудно иначе и ответить.

С. Рафальский все же пытается объяснить А. Зиновьеву, что он путает разные коллективы, т. е. народ и партию, путает власть выходцев из народа с народовластием. Ведь в СССР не было даже общественных казней как во время французской революции. «Но в Сов. Союзе убивали тайно, в подвалах, подло — пулей в затылок и не всегда объявляли об этом. В СССР партия взяла целиком на себя всю заплечную рабо-

ту, всю кровь 60 миллионов. Народ был решительно отстранен, потому что тоже находился под подозрением», — пишет Рафальский. Все это верно. Но вряд ли нужно это объяснять Зиновьеву. Сталинское время он пережил уже взрослым. Он все знает. Каким бы он ни был игнорантом в истории, свое собственное время он знает. И если он пишет бесконечно циничную нелепость, то он, вероятно, знает, что делает.

Или его захватили эмоции? Бездонная ненависть к народу? Ненависть к людям, особенно страдавшим, поскольку он сам не страдал? Может быть, ответом на наши вопросы хотя бы отчасти являются следующие слова: «Не будь этих специальных организаций (КГБ), при каждом учреждении страны завели бы карательные группы и тюрьмы. Я по своему личному опыту знаю, что такое карательная мощь сослуживцев, коллег, друзей. В этом обществе на самом деле — она высшая власть. Уверю вас, если бы расправу надо мной поручили моим бывшим коллегам, друзьям, сослуживцам, я давно висел бы на веревке в Москве на Волховке 14», (стр. 14). Сослуживцы и коллеги бывают разные, но если человек не нашел себе иных «друзей» как только таких, которые готовые его при первой возможности повесить, то это — несчастный человек, и в нем самом лежит причина, что он не смог найти настоящих друзей. Однако мы можем спросить себя, кого измученные люди на нашей несчастной родине ненавидят так, что если этих ненавидимых не защищало КГБ, они готовы были бы повесить их на первом дереве? Если еще припомнить как А. Зиновьев восхваляет сталинское время, называя его совершенной свободой... Можно строить разные предположения...

2. САМОСОЖЖЕНИЕ РОССИИ?

«Хотите ли понять Россию? Ищите ее в смерти. Ищите ее там, где более всего сказано о ней презрительного, раздраженного и высокомерного. Потрудитесь поискать ее, и прежде всего — евреи. Потому что наступает чудное время, в котором замыкается круг. Как некогда от иудеев, обличенных во Христа, пришло спасение в Россию, так вскоре оно возвратится к ним — и уже не отнимется никогда.

Не думайте так, что все в ней происшедшее — казни египетские за ее грехи, потому что думать так заблуждение, для евреев погибельно. Если бы вы только знали, сколько в России было истинной праведности, даже накануне всех переломных событий, вы бы не только не хулили ее, но омочили бы всю ее слезами умиления, потому что праведности было столько, что хватило бы на

всех, на то, чтобы освятить всю землю.

Не умом только, и не сердцем своим человеческим, но лучшим своим Сердцем, верующим во Христа, вижу и чувствую и знутри эту Россию-послушницу, Россию-отроковицу, в слезном смирении принимающую волю Отца своего небесного — быть распятой и погребенной, и воскресшей во спасение иудеев.

Если не верите русским, обличающим и любящим вас, уверуйте в то, что любит вас Господь наш Иисус Христос, — и как не уверовать после того, что сделалось с Россией! А Россия была положена к ногам вашим. Имела силу выстоять и не выстояла, имела крепость превозмочь — превозмогла смертью. Ибо сделала Выбор.

Не доказываю своих мыслей, потому что они не доказуемы для гордого ума и раздраженного сердца. Но всякий, кто желал бы в тишине смиренного духа продумать хотя бы последние факты русской христианской истории, найдет более, чем достаточно доказательств утверждаемой мной жертвенной точки зрения. Я глубоко уверена, что многие русские мученики, в том числе Патриарх Тихон и Государь Николай II восприняли волю Божию о себе и России не только кротостью своего христианского духа, но и ясным прозрением сокровенной Тайны, то есть Чем и ради Чего они жертвуют. Их поведение таким образом осмысленное, представляет не только высоко драматическим и лишенным всех тех слабостей и недостатков, которые им обычно приписывают, но и погружает нас в неисследимые глубины русского православного духа, сияющего неземной правдой и красотой...

Но что же сама Жертва — как и на какой глубине она может быть осмыслена? Велика глубина, так что мороз проходит по коже, и трепещет сердце, и изнемогает дух. Что такое должно там быть, чтобы рука государева, натягивающая бразды правления и в том благословенная свыше, дрогнула, вострепетала и разжалась? А когда разжималась, сердце падало в бездну при виде кровного своего народа, болезного своего детища, как угрюмо разбредается он на четыре бесприютных ветра — преданный, проданный, проклятый? Что должно там быть, чтобы неустрашимый духом пастырь, готовый душу свою положить за возлюбленное Божие слово и за каждую овцу его, отступил к самому краю бездны — и поднял руку свою патриаршую и бездну ту всепожирающую благословил, а воинства христового не благословил?

Глубина и сила этого жертвенного акта,

который иначе и назван быть не может, как все сожжение, несоизмерима ни с грядущим крещением, ни с самым искренним грядущим же воцерковлением евреев.» (Валентина Машкова, Болезнь и болезни, Русское Возрождение, №4, стр. 64-67).

Да извинит нам читатель длинную цитату. Но мне приходилось спрашивать многих, вполне внимательных читателей, и оказалось, что они не заметили главного тезиса статьи В. Машковой. Статья написана таким напыщенным языком, так напичкана цитатами из Св. Писания, большей частью в неподходящих местах, что ее основной тезис остается многими незамеченным. Поэтому мы сочли нужным процитировать то место статьи, где он сформулирован.

Думается нам, однако, что следует его еще перевести на нормальный язык. В. Машкова утверждает, что Россия вполне могла отратить большевизм, что император Николай II мог удержать Россию, но совершенно сознательно и намеренно выпустил бразды правления, чтобы Россия свалилась в бездну большевизма. Она утверждает, что патриарх благословил это «всесожжение» России. Иными словами, что последний император и патриарх Тихон сознательно толкнули миллионы людей на страшные страдания и гибель, больше того, они целые поколения, еще неродившихся тогда детей намеренно бросили в атеизм, в растление души. И для чего? «Для спасения евреев, — отвечает Машкова. Какого спасения? Их воцерковления, — отвечает она. Отвлечемся сейчас от того, как на это посмотрят сами евреи, и признаем, что, конечно, для верующего христианина всегда радостно, если к христианству приходят те, кто перед тем христианами не были. Стало быть, приход к христианству евреев для христианина был бы радостен. Хорошо. Но он совершился? Нет. Но он совершится, — возвещает В. Машкова. Однако это только ее субъективное пророчество, ни на чем оно не основано, кроме ее собственных чувствований.

Нам могут возразить, что сейчас среди вернувшихся к вере в России, есть и евреи. Они прошли период атеизма и, обретя веру, обрели именно христианскую веру. Например, Александр Гинзбург. Нет сомнения, что такие явления есть. Но они были и раньше, совершались и совершаются так же в других странах без всяких жутких жертв со стороны других народов. Приведем как самые знаменитые примеры философа С. Л. Франка, ставшего христианином еще до большевизации России, и в Германии женщину-философа, ученицу Гуссерля Эдит Штейн, которая пройдя период атеизма, уда-

лившего ее от иудейской религии, не только приняла крещение, но и стала монахиней-кармелиткой. Даже сама В. Машкова признает, что и прежде бывали евреи, принявшие христианство.

Но вот скоро примут все, — кто все? Одни русские евреи или и другие? Те, которые остаются в безбожном СССР или те, которые уезжают в Израиль? Мы не находим никаких уточнений.

Но давайте предположим, что что-либо вроде массового крещения евреев произойдет. Для этого, говорит Машкова, надо было погубить миллионы людей из других народов, да и тех же евреев, из которых многие погибли в советских концлагерях, и притом очень многих из них погубить душевно. Пусть читатель откроет хотя бы главу «Малолетки» в ГУЛаге А. Солженицина и прочтет как страшно лагерь разлагал детские души.

Есть люди, кстати в Сов. Союзе никогда не жившие, которые чуть не не считают революцию спасением России от западного сытого благополучия. Такие люди тоже забывают, что губились не только жизни, но и души. Достаточно посмотреть на тех, кто приезжает сейчас из Сов. Союза, даже на тех, кто пришел уже к вере, — а это все же небольшое меньшинство, — чтобы увидеть, насколько из них были выбиты все христианские понятия, которые им с трудом приходится снова находить и которые они еще не всегда и не все нашли. Так почти ни у кого из тех, кто считает себя уже христианами, нет еще христианского понятия о браке. Разводы, новые браки, — это для них нечто само собой разумеющееся. И так во многих вопросах.

И вот утверждение В. Машковой заключается в том, что последний император и патриарх Тихон намеренно послали всех этих людей на страдания, смерть, душевное растление, чтобы якобы этим достигнуть воцерковления евреев! Совершенно независимо от цели или соизмеримости жертвы и — недостигнутого — результата, здесь утверждается мысль, что человек может приносить в жертву других людей, и даже в неограниченном количестве, что он имеет на это право, что это даже христианское дело! Сравнение с Жертвой Иисуса Христа в этом аспекте, конечно, совершенно кощунственно. Спаситель жертвовал Собой, знал почему и за что и вольно шел на крестную смерть. Здесь же по утверждению Машковой император и патриарх жертвовали другими, которые не знали, не понимали и не могли понимать этой жертвы, так как многие даже еще и не родились, жертвовали не толь-

ко их жизнями, но и их бессмертными душами.

Это чудовищная мысль. Это какое-то новое человеческое жертвоприношение, новое язычество, которое ничего общего с христианством не имеет.

Здесь снова снимается личность человека, которую Спаситель, став Человеком поставил в центр мира. Здесь утверждается право «вождей» (императоров, патриархов или кого еще) жертвовать целыми народами, своими и чужими, целыми поколениями, даже еще неродившимися детьми. Как говорил Разумихин в «Преступлении и наказании» страшен не так совершившийся факт, как утверждение, что «право имеют». Здесь же еще страшнее: это «право имеют» драпируется в христианскую тогу.

Некоторые недавно приехавшие сюда и верующие спрашивали меня: неужели наши богословы не раскритикуют эту ересь? Видимо, не раскритикуют. А ведь как им, живущим там, понять, что они ошибаются, если им не скажут этого отсюда? Ведь они там как в потемках бродят, хватаются то за одну, то за другую мысль. И если посылают статью сюда, то, вероятно, ждут и ответа, и поучения, — и не получают. И вина за то, что заблуждения останутся, не на них, а на тех здесь, у кого есть возможность возразить им, научить их и которые предпочитают молчать.

Правда, В. Машкова заявила сразу претензию единственно правильного мышления и даже морально ошельмовала всех, кто думает иначе. Она пишет, что ее мысли недоказуемы для гордого ума и раздраженного сердца, но в с я к и й (разрядка наша), кто смиренно задумается, тот найдет доказательства ее мыслям. Так что каждый несогласный уже заклеен как человек гордого ума и раздраженного сердца, значит, как морально дурной человек. Неужели наши богословы испугались этого клейма? Ведь и это всего лишь пережитки коммунистической тоталитарной привычки мышления: всякий инакомыслящий — «враг народа», у него гордый ум и раздраженное сердце, он не хочет понять МОЕЙ истины, значит, он нехороший человек. Не надо пугаться этих остатков тоталитарного мышления. Надо этим авторам разъяснить, в чем заключается терпимость. Терпимость — это не релятивирование истины. Если человек убежден, что нашел в каком-то вопросе истину, то он, естественно, будет думать, что другой, в этом вопросе иначе думающий, ошибается. Но он должен понять, что ошибка далеко не всегда означает злую волю или недостаток смирения перед Господом. Ошибающийся — не

обязательно дурной человек. Вот и это надо пояснить тем, кто под давлением тоталитарной системы не научился думать терпимо.

Снятие личности и личной ответственности перед Господом проходит через всю статью В. Машковой. Так, например, она утверждает, что русские люди грешны, а Россия праведна. Но праведным, или грешным может быть только человек, личность. Страна как таковая не может быть ни огульно грешной, ни огульно праведной. Нет ни коллективной вины, ни коллективной праведности. Но и это, вероятно, пережитки коллективного мышления. Верующие там освободятся понемногу от всего этого. Но им надо помочь отсюда, а не оставлять их в их поисках на произвол случайно прочитанных ими книг или случайных разговоров.

3. ВСЕ РУССКИЕ БРАТЬЯ?

В №5 «Русского Возрождения» напечатана статья Л. Бородина «По поводу выставки И. Глазунова». В этой статье есть ряд тезисов, согласиться с которыми невозможно. Так Бородин говорит, что если два человека одинакового интеллектуального уровня расходятся в оценке картин Глазунова, то они расходятся в принципиальной оценке русского прошлого, настоящего и будущего. А так как автор статьи предлагает нам буквально культ Глазунова, то ясно, что он относит тех, кому творчество Глазунова не нравится, в разряд плохо относящихся к русскому прошлому, настоящему и будущему. Тут все сужено до предела: даже не инакомыслящий, а инако воспринимающий картины определенного художника — что-то вроде «врага народа». О творчестве Глазунова спорить здесь не будем. Я лично не искусствовед, да и не видела его картин в натуре, так что о его способностях как художника никакого мнения не имею. Но вот в том же №5 «Р.В.» художник Е. Климов оценивает картины Глазунова на темы русского прошлого как плакативные, с дешевыми эффектами и без глубокого проникновения в тему. Если человек именно так думает об этих картинах, то не должен ли он именно во имя любви к русскому прошлому, настоящему и будущему отрицательно относиться к такому художеству?

Далее Л. Бородин в связи с художником Глазуновым выражает мысль о братстве всех русских. «Мы хотим видеть в каждом русском прежде всего брата, мы не можем позволить еще один пересчет обид за счет русской крови — ею уже довольно полита русская земля. И если до такой степени изломаны атеизмом души людей, что глухи они

к истине православной, то, может быть, истина народного братства, а эта истина есть, может быть, она окажется, если не первым лучем прозрения, то, по крайней мере фактором, упреждающим путь злобы и насилия.» (Р.В. №5, стр. 69-70).

Аналогичную мысль уже высказывал о. Димитрий Дудко в связи с тем же Глазуновым в статье, посвященной тоже его выставке («Русская Мысль» №3212, 24 авг. 1978 г.). О. Дудко пишет там: «И вдруг дерзкая мысль, дерзкая для современного человека. Братья верующие и неверующие, ведь это же наша Россия, почему же мы разделяемся, не хотим жить вместе. Вот так, как это сделал Глазунов, показав всю Россию... Радостная мысль выбегает — Глазунова надо поддержать, это — русское явление, которое может вести».

И в одной, и в другой статье Глазунов выдвигается как некий новый вождь, и ему создается соответствующий культ. Но как ни красиво звучат вышеприведенные рассуждения, они выдвигают национальность на первое место по сравнению с верой. Особенно странно звучит это, когда пишет священник, переворачивающий слова апостола Павла о том, что в христианстве «несть эллина, несть иудея». Апостол этим не уничтожал национальности, но он подчеркивал, что вера в Иисуса Христа стоит на первом месте. Она важнее национальности. У о. Дудко как раз наоборот, неважно верующие или неверующие, важно, что русские. Национальность стоит выше веры.

Эта же мысль проводится и Л. Бородиным в связи с тем же Глазуновым, так что мы уже теперь не можем этого считать случайностью, недостаточно продуманным оборотом речи, нет, это, видимо, определенная линия.

Ее, однако, надо уточнить и конкретизировать, переведя из области красивых общих фраз в область конкретного земного применения. Если Бородин говорит, что он именно в каждом русском хочет видеть брата, то ясно, что он имеет в виду не то общечеловеческое братство, при котором для нас каждый человек — брат, даже если он затемнил в себе до неузнаваемости образ Божий, — нет, потому что в этом смысле для христианина все люди братья, не только русские. Здесь же дело идет об особом выделении русских. И мы должны спросить, договаривая то, чего оба цитированные нами авторы почему-то не договорили. Все русские братья, верующие и неверующие, коммунисты и христиане, гебисты и заключенные в лагере... но, постойте, Иван в «Братьях Карамазовых» даже возмущался мыслью, что мать обнимется с палачем ее ре-

бенка на том свете, в вечной гармонии, — этого возмущения мы не разделяем, но Бородин хочет сейчас на этой земле братства мучителя с их жертвами. Как же это конкретно можно себе представить? О еслиб мучители прекратили свою деятельность, а мучимые ими им бы простили, — прекрасно. Но ведь они же не прекращают!

Брежнев и другие члены политбюро — русские, и братья Бородину в особом смысле. А, скажем, сидящий в концлагере, за свою веру православный грузин — это для Л. Бородина в меньшей степени брат, чем Брежнев, потому что он не русский? Так ведь это конкретно получается! Ну пусть Бородин скажет, что грузин из народа, давно входящего в Российскую империю и теперь СССР, почти что и русский, но ведь в советских концлагерях всегда сидели и иностранцы, и если, скажем, там сидит верующий православный грек, — то он Бородину меньше брат, чем его русские мучители? Мы сознательно сузили проблему, установившись на одних православных христианах, которые автору статьи должны были бы быть, казалось в особой степени братьями.

Но сузим вопрос еще раз, останемся при одних русских, скажем о русском Брежневе и русском Огурцове. Для Бородина оба они в одинаковой мере братья? И нельзя тронуть «брата» Брежнева, еслиб даже на это имелась возможность? Надо дать ему возможность спокойно домучить брата Огурцова? Или как это понимать?

Владимир Соловьев писал иначе: «Ведь братья-то бывают разные. А почему же мне не поинтересоваться, кто из моих братьев Каин и кто Авель? И если на моих глазах брат мой Каин дерет шкуру с брата моего Авеля, и я именно по неравнодушию моему к братьям дам брату Каину такую затрепину, чтоб ему больше не до озорства было.» («Три разговора», Нью Йорк, 1954 г., стр. 71). Ах, не пересчитывайте обид за счет русской крови, — говорит Бородин. Прошлых обид, готовы не пересчитывать, хотя не обиды это были, а ужас, — но ведь русский брат Каин с е й ч а с все еще дерет шкуру с русского же брата Авеля! Как тут-то быть?

Впрочем о Каине и Авеле у Бородина тоже есть странные вещи. О картине Глазунова «Авель и Каин» он пишет: «Авель — олицетворение прямоты, благородства и доверия, и эти качества выражены славянизмом черт лица несомненно русского, но именно такого русского, каким оно бывает у русских характером благородных и прямых. Каин — это маска низости и коварст-

ва, и лицо его есть дневник его пороков, и мы должны и обязаны не узнавать в этой маске — русского человека, ибо он перестает быть таковым, — а кем он становится при этом, для нас уже не существенно». (Р.В. №5, стр. 73).

Что это за новый критерий национальности? До сих пор повсюду считалось, что русский (или соответственно немец, француз и т. д.) — это человек, родившийся от русских (немецких, французских) родителей, считающий своим родным языком русский (немецкий, французский) язык и признающим сам себя русским (немцем, французом). Но, оказывается, в отношении русского это не так. Если он ко всему этому еще не присоединяет благородства, то он не русский. Стало быть, все неблагородные люди — не русские. Мы облегченно вздохнем: Брежнев, члены политбюро, гебисты — это не русские. Они нам не братья.

Но как же все же установить там, где все не так ясно, как у Брежнева и компании. Кто благороден, кто нет? Вот перед нами незначительный коммунист где-нибудь в провинции, неверующий, конечно. Все же нам брат, как русский неверующий. Но русский ли он, даже если его зовут Иван Петрович Митрохин, и он может доказать, что в десяти поколениях имел русских предков? Достаточно ли он благороден?

Нашел ли Л. Бородин такой аппарат, который устанавливал бы безошибочно, достаточно ли тот или другой, родившийся от русских родителей, человек благороден или нет?

Или нерусским человек становится после уголовного преступления? Но ведь иной и не совершит уголовного преступления, а все же подлец, а иной, даже совершивший при особых обстоятельствах преступление, благороднее его. Бывает и так.

И еще: если настанет национальная Россия, то что же делать с «нерусскими», — все равно по какому методу будет установлено (или якобы установлено), что они недостаточно благородны, а потому и не русские?

Изнать их из пределов страны и надеяться, что найдутся более милосердные страны, которые примут изгоев?

Все максималистические идеологии звучат красиво, и все они дают на практике страшные результаты. Александр Герцен когда-то писал, что человек должен стоять высоко, а кто высоко не стоит, тот не человек. Он и не подозревал, что найдутся потом идеологи, которые целые классы или целые расы объявят недостаточно вы-

соко стоящими и откажут им в наименовании «человек» — со всеми практически последствиями, т. е. физическим истреблением «не людей».

А одновременно по логике вещей и те, кто должны были высоко стоять и быть особо благородными, теряют эти качества, присваивая себе право гнать или даже убивать «неблагородных».

Покойный У. С. Шлам, статью которого мы опубликовали в прошлом номере нашего журнала, отвечая на упреки, что он, будучи евреем, резко критикует некоторых других евреев, однажды написал: «Почему нам, евреям, отказывают в праве, которым пользуется любая другая нация: иметь в своих рядах некоторое количество свиней». Шлам не шутил. Это в самом деле право. Это право, потому что такова жизнь. Как это ни странно на первый взгляд, но если удалось создать нацию, состоящую исключительно из благородных людей, то она оказалась бы однобокой, неполноценной и, вероятно, совершенно безжалостной, потому что из своего сплошного «благородства» она вывела бы себе право давить нации менее благородные, ибо что же делать с ними? Пожалеть их? Вступить с ними в общение? Неминуемо заразишься их «неблагородством». В рассказе Достоевского «Смешной человек» один единственный порочный земной человек заразил и испортил все совершенное население другой планеты. Чтоб не заразиться и не испортиться «благородная» нация должна будет по меньшей мере отгородиться от всех Великой Китайской Стеной. Это уж минимум.

Одно дело призывать к благородству, другое дело всякого своего недостаточно благородного (опять-таки: по какому критерию?) соотечественника лишать его национальности, подвергать остракизму и отвержению. Это страшный тезис.

В конце своей статьи Л. Бородин намекает на то, что официальное признание И. Глазунова советской властью указывает чуть ли не на далеко идущее «перерождение» на верхах. (Брежнев и члены политбюро — русские братья? Благородные?).

Это знакомые нам мотивы (см. мою статью в № 11 «Голоса Зарубежья»), и в нас они вызывают глубокие сомнения.

Журналу же с претензионным названием «Русское Возрождение» мы должны сделать упрек, что он печатает все без разбора и без анализа, без комментариев и без всякой попытки разобраться в том, что здорово и что нездорово, что хорошо и что опасно. Он даже не пробует дать путе-

водную нить, живущим под диктатурой и ищущим в потемках, а потому естественно часто заблуждающихся. Между тем, вкладом в русское возрождение были бы именно такие наводящие анализы и комментарии.

4. ТАЙНО-ЯВНАЯ ЗАСЫЛКА ЕПИСКОПОВ?

В своем письме митрополиту Филарету («Посев», март 1979 г.) о. Димитрий Дудко пишет сначала, что катакомбная Церковь, если и есть, то она не с народом. Кроме того, у нее почти нет священников (стр. 40). Затем, в постскриптуме, он вдруг высказывает просьбу засылать епископов из Зарубежной Церкви не то в катакомбную, не то в официальную церковь. Вот его текст: «Нужно, чтобы Вы, дорогой Владыко, как-то неофициально, что ли, объединились с нами, не с епископами просто, которые часть ставленники безбожников, а с нашим церковным народом. Присылали бы сюда епископов и священников, пожалуй, прежде всего епископов, которые иногда, может быть, открыто, если удастся как-то пройти в среду официальную, или тайно, рукоположали достойных, и мы бы общими силами оживляли тех, которые «воруют» благодать, и помогали бы делать дело честным. ...Я не боюсь, что это письмо Вы сделаете открытым. Та опасность, что есть у нас, страшнее всякой другой». (стр. 41).

Читаешь и диву даешься! Мы не знаем, откуда у «Посева» это письмо, дал ли ему

для опубликования Владыка Филарет или они получили его от о. Дудко непосредственно. Во всяком случае, о. Дудко не возражает против опубликования. Но как же понять просьбу о засылке епископов? Опять-таки: как это сделать конкретно? Должны епископы просить визу у советского посольства, заранее предупредившего этим письмом, что они будут тайно рукопологать в священство тех, кого КГБ не проверило? И советское посольство даст визу, а КГБ закроет глаза на незаконные с его точки зрения действия этих епископов? Или им надо «пройти в среду официальную», т. е., видимо, для вида еще за границей перейти в юрисдикцию Московской патриархии, добиться возвращения на родину и там действовать тайно, а КГБ, опять-таки предупрежденное этим письмом, будет милостиво смотреть сквозь пальцы? Или какие еще другие пути избрать? Если б такое письмо в великой тайне было передано в руки митрополита Филарета, — кто знает? — нашлись бы, может быть, и пути. Но оно опубликовано!

Или, может быть, о. Дудко вообще не писал этого нелепого постскриптума? Написали за него? Все возможно. Спросить его мы не можем.

Много парадоксов приходит к нам вместе с новейшими или прямо с родины. Это неудивительно. Но их надо анализировать, на них надо отвечать. Ради их авторов, ради нас, ради нашей родины..

Д. ШТУРМАН.

ЛЕНИН. ДЕТАЛИ ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

(Начало см. в № 12)

Два юриста, Ленин и Курский, не могли не понимать, что приведенная выше формула означает **узаконение неправовой системы взаимоотношений между человеком (группой) и государством**. Точно так же, как преданность интересам партии освобождает ее функционера от «химеры совести», так и малейшее несоответствие партийным критериям гражданской благонадежности **ставит человека вне права**. Но Ленину и этого кажется мало. Он оговаривает возможность для советских охранно-карательных органов отступать и от этого **законоподобия**: резолюция IV Съезда Советов «О законности» (Соч. изд. III,

т. 23, стр. 534) признает «неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него. Это «отступление» (от беззакония, именуемого законом, в сторону беззакония, законом не именуемого), должно сопровождаться «немедленным сообщением заявления в письменной форме в Совнарком с копией для заинтересованных властей» и с сохранением для пострадавших «права обжалования». Поскольку речь шла в приведенном документе **в основном** о терроре против действительных или мнимых врагов советской власти, то можно оценить как эффективность обжалования

со стороны «экстренно» пострадавших, так и в пользу «немедленного сообщения заявления» о собственных беззакониях постфактум со стороны карателей. Пресловутое распоряжение Политбюро (1937) о применении «чрезвычайных мер допроса» по отношению к «врагам народа» было всего лишь своевременным **напоминанием** о ленинском подходе к вопросу. Ленин, кстати, отлично знал, о чем идет речь, когда обеспечивал своим исполнителям в области государственной безопасности лазейки для полного беззакония. На митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 г., он говорил о «тяжелой деятельности» чрезвычайных комиссий:

«Не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК... естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция (опять — интеллигенция!) подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть в суть дела... Мы же говорим: на ошибках мы учимся... Дело, конечно, не в составе ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность». (Соч. изд. III, т. 23, стр. 272). Читатель, я думаю, представляет себе, что означают «ошибки» ЧК, насколько они поправимы для их объектов и как понимает здесь Ленин слово «верность»: отнюдь не как безошибочность действия, а как верность **партии**. На стр. 186 того же тома он пишет: «На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи... приходится 10.000 великих и геройских актов... Но если бы даже дело обстояло наоборот... если бы даже на сто наших правильных актов пришлось 10.000 ошибок, то все-таки наша революция... велика и непобедима».

7.

Мы редко задумываемся над словами, которые слышим с детства. Особенно тогда, когда нам внушено определенное отношение к этим словам. Мышление наше, в основном, рефлекторно и лишь в малой части своей инициативно и самостоятельно. Кто же из нас пытался переосмыслить штампы: «классовая борьба», «уничтожение классов», «революционное насилие», «революционное правосознание», «красный террор»?

Вот что пишет Ленин Зиновьеву (тому самому Зиновьеву, которого советологическая традиция предписывает считать лютым предтечей Сталина при интеллигентном Ленине):

«Г. Зиновьеву. Также Лашевичу и другим членам ЦК 26. VI, 1918.

Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, в **полне** правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает.

Привет! Ленин.

П. С. Отряды и отряды: используйте победу на перевыборах. Если питерцы двинут тысяч 10-20 в Тамбовскую губернию и на Урал и т. п. и себя спасут и всю революцию вполне и на верное. Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель».

(Разбивка Ленина).

Обычно цитируют (если цитируют) выдержки из этого письма, опуская «постскрипtum»; на первый взгляд, незначительный. Однако последние строки письма имеют зловещий смысл: Ленин предполагает сперва задушить террором недовольство в столицах, а потом двинуть рабочих в села («и себя спасут», т. е. прокормят, «и всю революцию», т. е. большевистскую власть). Членам реквизиционных отрядов разрешалось брать с собой на прокорм семьи, о чем Ленин напоминал в ряде речей и обращений, а также посылать по две продовольственные посылки в месяц домой (что другим гражданам было строжайше запрещено!). (См. III изд. соч. Ленина, тексты, примечания и приложения в т. т. 23, 24, 29).

На X съезде РКП(б) (см. стенограмму съезда, изданную в 1963 году в Москве) отчетливо будут представлены все перипетии возглавленного и вдохновленного Лениным продовольственного террора. Но тогда Ленин не сочтет полезным для партии спасать продовольственников и активистов ни от самосуда крестьян, ни от трибунала (по жалобам крестьян). Напрасно Цюрупа, глава Наркомпрода, будет кричать с трибуны: «Как же можно отнять

хлеб у голодных (подчеркнуто нами), не применяя насилия?» И будет требовать, чтобы в губернии и уезды не рассылался циркуляр ЦК о привлечении наркомпродовцев к уголовной ответственности за применение насилия. Но циркуляр разошлут, потому что Ленину необходимо отвести от себя, от партии крестьянское возмущение и переадресовать его наркомпродовцам: мавр сделал свое дело, — мавр может уйти. И Цюрупа с его коллегами по Наркомпроду напрасно будут рассказывать съезду о самосудах, о самоубийствах наркомпродовцев — как раньше другие напрасно рассказывали и писали Ленину о порках крестьян за неспадку хлеба, о расстрелах и о других преступлениях, канонизированных позднее в качестве «крайностей» военного коммунизма».

В ту пору Ленин был глух к этим жалобам. Тогда он метал испепеляющие молнии в десятках писем и телеграмм.

«Телеграмма Пензенскому Губисполкому.
14.VIII.1918 г.

Пенза Губисполком Минкину

Получил на вас две жалобы: первая, что вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то вы совершаете великое преступление против революции. Вторая жалоба, что вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листов, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотни тысяч на агитацию. Требуйте денег срочно от ЦИКА, **недостатка денег не будет**, такие отговорки не приемлю.

Предсовнаркома ЛЕНИН.»

(Вот одна из статей расхода немецких денег — на большевистскую агитацию в голодной, истекающей кровью в братоубийственной смуте стране. См. последнюю публикацию о получении большевиками денег от правительства Кайзера — журнал «Посев» № 12, 1977, Елена Кожевникова, «Ленин и немецкие деньги (по архивным материалам 1917-1918 гг.).

«Телеграмма Ливенскому исполкому
20.VIII.1918 г.

Ливны Исполкому
Копия военкому Семашке и
организации коммунистов.

Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и не упуская ни минуты организовать бедноту в уезде, **конфисковать весь хлеб и все**

имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождах из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение. Часть образцового железного полка пошлите тотчас в Пензу.

Предсовнаркома Ленин.»

(Соч. изд. IV, т. 35. Подчеркнуто нами).

(О «железных полках» читайте у Ю. Трифонова, в его последнем романе «Старик» (Москва, «Дружба народов», 1978).

«Е. Б. Бош в Пензу

9 августа 1918 г. Москва.

Телеграмма

Пенза Губисполком,
копия Евгении Богдановне Бош.

Получил вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборных надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустить в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома Ленин.»

(Карательную экспедицию — а через три года последует циркуляр о возмездии продотрядчикам, применявшим «насилие»).

К этому письму приложена директива за подписями Ленина, наркомпрода Цюрупы и наркомвоенна Склянского, которая содержит и такой пункт:

«...Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение наложенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется предгубисполкомом и губпродкомиссариатом на основании данных об урожае 1918 года и об остатках хлебов от урожая прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам даются соответствующие полномочия.»

(Соч. изд. III, т. 29, стр. 489-490).

Боюсь, что никто из нас не в силах без помощи Василия Гроссмана, или А. И. Солженицына, или другого художника представить себе действительность, встающую за этими ленинскими телеграммами... Некоторые ленинские карательно-профилактические

кие распоряжения производят впечатление чудовищного устрашающего гротеска:

«В Нижегородский совдеп
9.VIII.1918 г.

В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления. Надо действовать во-всю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных. Смена охраны при складах, поставить надежных.

Ваш Ленин.»

О том, что все эти распоряжения — отнюдь не стилистические гиперболы, свидетельствует хотя бы следующее дополнительное распоряжение:

«12 августа 1918 г. Москва
Пенза, губисполком, Бош.

Получил вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков.

Предсовнаркома Ленин.»

Видит ли Ленин голодную смерть детей за этими своими бесчисленными приказами отобрать **весь** хлеб у сопротивляющихся продразверстке и не имеющих никаких хлебных «излишков» людей, которых он именует «кулаками»?

8.

А это один из несметных примеров ленинской послеоктябрьской «демократизации» его армии:

«В Красной Армии после долгомесячного митингования*) дисциплина была такова, что не уступала дисциплине прежней армии. В ней применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, которых не видело даже прежнее прави-

тельство. Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели и ввели вполне сознательно».

...И мы говорим, как говорили в армии: «либо погибнуть всем, кто хотел погубить нас, и тут мы будем применять самые суровые меры дисциплины, либо мы спасем страну, и будет жить наша республика».

(Соч. изд. IV, т. 33, стр. 48).

Вчитайтесь в последнее внимательней, и вы увидите: в обоих случаях погибнут «наши враги» и восторжествует «наша республика». Оговорка, кочующая из издания в издание? Может быть кого-нибудь заинтересует, что скрывается за «строгими, суровыми мерами», применявшимися (помимо расстрелов, о которых Ленин упоминает особо) большевиками для обуздания их собственной армии?

В четырех подвалах «Правды» в статье члена Военного совета Южного фронта В. Трифонова (5, 8, 15 и 19 июня 1918 г.) помещено следующее сообщение:

«...Я знаю полки, развернутые на основе крепкого добровольчества: они взяли у себя совершенно добровольно, без всякого принуждения, жестокую дисциплину, дисциплину николаевских времен. Их дисциплинарный устав предусматривал даже телесные наказания, которые с успехом и довольно широко применялись.

...Нужны были драконовские и героические меры, чтобы части сохранить, не дать им окончательно разложиться. Меры были предприняты самими добровольцами, по своему собственному почину, и полки были спасены.»

«В. Трифонов имел вероятно в виду партизанские полки В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина», поясняет Ю. Трифонов. (Цитируем по книге Ю. Трифонова «Отблеск ко-стра», Москва 1966).

Если бы Блюхеру или Каширину, или, на худой конец, воспевшему их находчивость Ю. Трифонову влетело от Ленина, это вмешательство отразилось бы в его печатном наследии. Тем более, что повод к такому вмешательству нельзя рассматривать как секретный после публикации в «Правде» статьи «Фронт и тыл». До октября 1917 года из статьи в статью, из речи в речь Ленина (особенно в адресованных воюющей русской армии его выступлениях) кочует лозунг **немедленного** роспуска постоянной армии и замены ее (поголовным вооружением **всего народа**). Что же

*) Следовало бы добавить, объективности ради: «после долгомесячного **спровоцированного нами** митингования»... А потом «мы» эту разложенную нами же, и **сознательно**, армию стали учить нормальной воинской дисциплине **расстрелами**.

говорит Ленин о поголовном вооружении всего народа после прихода к власти?

«Телеграмма совнаркому Украины
26.V.1919 г.

Декретируйте и проведите в жизнь полное обезоружение населения, расстреливайте на месте беспощадно за всякую сокрытую винтовку. Весь гвоздь момента: быстрая победа в Донбассе, сбор всех винтовок из деревень, создание прочной армии. Сосредоточьте все свои силы на этой задаче, не ослабляйте энергии, мобилизуйте рабочих поголовно. Прочтите эту телеграмму всем видным большевикам.

Ленин.»

Так было «похоронено в гроб» (как любил выражаться Иосиф Виссарионович) право народов России на государственное отделение, а заодно, по необходимости, и «поголовное вооружение всего народа». Кстати, разоружают, расстреливая «беспощадно на месте за всякую сокрытую винтовку» не только украинских селян, но и уральских пролетариев:

«Телеграмма Реввоенсовету Востфронта
17.VII.1919 г.

Симбирск Реввоенсовет Востфронта.

Поздравляю с победами. Следует принять особые меры: первое, для нерастаскивания оружия уральскими рабочими, чтобы не развилось у них губительной партизанщины, второе, для того, чтобы сибирская партизанщина не разложила наших войск...

Ленин.»

9.

Коммунистические оппозиции коммунизму очень любят цитировать два ленинских высказывания по национальному вопросу. Они приводят эти высказывания как примеры ленинского пролетарского интернационализма и принципиальности Ленина в этом вопросе. Первое высказывание относится к знаменитому грузинскому инциденту конца 1922 года, когда Орджоникидзе при обсуждении в ЦК компартии Грузии вопроса о государственном статусе Грузии дал по физиономии одному из видных членов грузинского ЦК. Ленин был возмущен этой, как он выразился, «биомеханикой», коей попустительствовал и Дзержинский и Сталин.

Он объяснил этот инцидент присущим Сталину, Дзержинскому и Орджоникидзе... «истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересали-

вают по части истинно русского настроения)... беспристрастие всей комиссии достаточно характеризуется «рукоприкладством» Орджоникидзе. Я думаю, что никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства, и что тов. Дзержинский неправомерно виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно».

Полагаю, что на фоне приведенных нами выше ленинских телеграмм рукоприкладство Орджоникидзе выглядит жалким кустарничеством. Более того: легко доказать, что внимание Ленина к этому эпизоду происходит, в первую очередь, из его тогдашнего (конец 1922 года) намерения поставить на место Сталина, явно прибирающего к рукам инициативу в ЦК. Здесь неуместно это доказывать, но напомним: когда на съезде РКП(б) было доложено, что за годы завоевания большевиками Туркестана (1918-1921 гг.) там погибло 35% его населения, у Ленина это тревоги не вызвало /см. стенограммы X и XI съездов РКП(б)/. Не знаю, били ли там по физиономиям ответственных коммунистов или нет, но убивали даже детей, если родители оказывались сепаратистами. Да, действительно, до октября 1917 г. Ленин не переставал говорить о праве наций на самоопределение. Но уже в период Брестского мира (весна 1918 года) он заявил открыто и однозначно: «Интересы социализма, интересы мирового социализма выше права наций на самоопределение (Соч. изд. III, т. 23, стр. 14). Заметьте: «интересы социализма, интересы мирового социализма», а не только российского! Стоило бы это «мирового» хорошо запомнить.

Второе популярное «интернационалистское» высказывание Ленина звучит так:

«Записка в Политбюро о борьбе с великодержавным шовинизмом.

Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди —

русский,
украинец,
грузин и т. д.

А б с о л ю т н о !

6.X.1922.

Ваш Ленин.»

Именно в таком виде его теперь и цитируют (хотя до 1954 года цитировали

немного иначе). Даже А. Авторханов находил в этом высказывании Ленина умиляющий его пролетарский интернационализм.

Но ведь в V издании сочинений Ленина (псевдополном) представлен не весь текст записки Ленина в Политбюро! В IV издании в том же документе после «Ваш Ленин» следует:

«Правильно! И. Сталин». И записка эта, помещенная в т. 33 изд. IV, увидела свет впервые в газете «Правда» **21 янв. 1937 г.!**

Полный текст «интернационалистского» документа от 6/X-22 г. свидетельствует о том, что авторов было два и что второго автора такая форма «интернационализма» (чередование национального происхождения функционеров ЦК, председательствующих во ВЦИКе) очень устраивала. Недавно он опубликовал эту записку (вместе со своей «резолуцией») в роковом для старых большевиков 1937 году: она ни в чем не осложняла его политики!

10.

Орудие тактики, **слово** никогда не казалось Ленину чем-то таким, что обязывало бы его к определенному поведению в будущем. Он без колебаний изменял всему прежде сказанному и написанному ради тридцати серебрянников тактического успеха.

В 1907 году, на V (Лондонском) съезде единой (на короткое время) РСДРП, при выдвижении кандидатур в президиум съезда меньшевики опротестовали кандидатуру Ленина. Они сослались на привлечение Ленина в минувшем году к партийной судебной ответственности за клевету на коллег по партии. Ленин повторил перед съездом свою оправдательную речь на этом суде. /Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. «Протоколы». Государственное издательство политической литературы, Москва 1963/:

«...если бы в разбираемом месте брошюры было сказано: 31 выступили для присоединения к кадетским голосам голосов рабочих при условии места в Думе для с.-д., — тогда это был бы образчик лояльной, корректной, допустимой для членов партии полемики.

Чем отличается от этой формулировки так, которая выбрана мной? Она отличается тоном, делающим всю музыку.»

Именно тон, по мнению Ленина, и помог ему представить предвыборный компромисс двух оппозиционных партий как «торговлю» с их стороны «местечками» в Государственной Думе — за счет рабочих и в пользу буржуазии.

Он обстоятельно объясняет коллегам по партии, что методы «истребительной полемики» вполне естественны между политиками, и что рассчитаны эти методы не на выяснение истины, а на то, чтобы вызвать у слушателей отвращение к оппоненту раньше, чем слушатели поймут суть спора.

«Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно допустимых пределов такой борьбы нет и не может быть, ибо раскол есть прекращение существования партии. Пределы борьбы на почве раскола — это не партийные, а общеполитические или, вернее даже, общегражданские пределы, **пределы уголовного закона и ничего более.**» (Подчеркнуто нами).

Можно себе представить, каковы в таком случае пределы **между** партийной и «классовой» борьбы в системе этических представлений Ленина.

У ленинской полемической этики и тактики два критерия допустимости: партийная целесообразность и «пределы уголовного закона». Как только уголовное законодательство тоже начало определяться партийной целесообразностью, всякие ограничения для Ленина и его преемников в этом плане исчезли. А ведь печатная продукция Ленина носит насквозь полемический характер. И все эти чисто тактические операции, оформляемые им под «полемику», продолжают изучаться поколениями его вынужденных и добровольных читателей!

После таких его признаний, сделанных с полной и невозмутимой откровенностью, можно ли принимать всерьез ленинские высказывания о его противниках? Ленинская политическая «полемика» строится так: создается словесный муляж объекта атаки; ему придаются необходимые (для нападающего) черты; муляж поднимает за шиворот перед аудиторией, завоеванию коей служит «полемика», и осыпают пощечинами и бранью. Каррикатурное, гротескное, частичное сходство отдельных черт муляжа с оригиналом делает избиение особенно впечатляющим. При этом слова и поступки противника (порой и не помышляющего об ответе) переводятся на язык и систему отсчета аудитории, на которую рассчитан муляж.

Следует ли доказывать, что этот метод «полемики» для коммунистической пропаганды универсален?

Муляжи, изображающие один и тот же объект пропаганды, меняются в зависимости от политической ситуации. Вспомним,

как менялись маски и муляжи крестьянина в публицистике Ленина 1917-1922 годов. До прихода большевиков к власти Ленин манипулирует чаще всего нейтральным словом «крестьянин». Но в марксистской классовой схеме крестьянство вообще класс «неполноценный», а Ленин, в своем кругу, уже и в 1917 году не забывает при случае заметить, что «зажиточный крестьянин — это еще не крестьянин», и что политику его партии не определяет никакое «формальное большинство»... В 1918-1920 гг. страницы ленинских сочинений заполняет страшная кличка «кулак». Перед голодными толпами горожан и красноармейцев возникает злобная рожа мужика-кровососа, гноящего хлеб, чтобы не отдать его голодающим. В 1921 г., после введения НЭПа, муляж «кулака» исчезает как не бывало, а вместо него возникает в ленинской публицистике положительный (и симпатичный советской власти!) — «старательный крестьянин» (поздней «интенсивник»), которого следует всеми мерами поощрять к производству и свободной продаже хлеба. А те же голодные толпы, красноармейцы и продотрядовцы попадают в насильники, в рвачи и хапуги, за интересами брюха своего забывающие о строительстве социализма. В 1927 году Сталин вытаскивает полузабытый муляж «кулака» и опять начинается кровавый «крестовый поход» (термин и Ленина, и Сталина) «сознательных пролетариев» против крестьянства — окончательная колонизация большевиками сельской России.

В ленинской «истребительной» публицистике «тон, который делает музыку», задается чаще всего уже хлестким и демагогическим заголовком или подзаголовком статей: «Бесстыдная ложь капиталистов» (это по поводу реплики члена партии народной свободы министра Некрасова, осмелившегося робко выразить в апреле 1917 г. следующее опасение: «Страшна та проповедь насилия, которая ныне раздается с Каменноостровского проспекта» — резиденции большевиков.

«Неудачная попытка гражданина Плеханова вывернуться»... «Безумные капиталисты или недоумки социал-демократы?» — это о тех самых советах, которые Ленин считал высшей формой народовластия. «Один из коренных вопросов (как рассуждают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии)» — это опять о Плеханове. Это немногие, наугад взятые заголовки с одной страницы оглавления к сочинениям Ленина. Можно было бы безукоризненно доказать несоответствие подавляющего

большинства таких «истребительных» заголовков истине, но к чему? Ленин сам невозмутимо и откровенно заявил перед съездом, что не считает себя обязанным следовать истине в поединке с теми, в ком видит своих врагов.

11.

Было бы весьма интересно проследить как черты Ленина, его этики, превращаются в черты ленинизма — этики и тактики его партии.

В книге Н. Валентинова «Малознакомый Ленин» (Библиотека пяти континентов, Париж, 1972) есть один эпизод: Ленин говорит своему коллеге по партии о некоем Викторе Таратуте, женившемся на одной из сестер Н. Шмидта, племянника Саввы Морозова (знаменитое дело о наследстве Шмидта), ради пополнения партийной кассы ее деньгами. «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите, прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не смог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый». И это, по представлению Ленина, хорошо, а не отвратительно.

Среди писем Ленина из эмиграции пробольшевистскому ЦК РСДРП 1900-х годов, поразительных по своей директивной бесцеремонности и грубости («...Нам нужны деньги. Хватит на 2 месяца, а потом шиш. Мы ведь теперь „содержим“ негодяев, которые в ЦО плюют и блюют на нас»...) есть, например, такое:

Г. М. Кржижановскому и В. А. Носкову
Клэру и Борису от Старика
(5 октября 1903 г. Женева).

«...Я бы очень и очень советовал вам кооптировать Конягу (Л. Е. Гальперина) и Игната (Н. А. Красикова). Первого вы скоро увидите и узнаете. О втором же скажу: при войне он, ей богу, полезен и необходим; слушаться он будет вполне; от неподходящих функций его **можно отстранить**; про него много ходит зряшных слухов; бояться, что он накооптирует черт знает кого, нечего, ибо мы его побережем».

Мы подчеркнули слова, содержащие ленинский критерий кооптации в его ЦК недостающих членов. Отличается ли он чем-то от нынешнего партийного критерия пригодности коммуниста к руководящей работе? «Слушаться он будет вполне» — вот главное.

Или:

«Ф. В. Ленгнику 23 мая 1902 г. Лондон.

Итак Ваша задача теперь **просунуть своих людей в наибольшее число комитетов**, сохраняя себя и своих паче зеницы ока до съезда. Это все архиважно! памятуйте это. **Будьте в этом смелей, наглей и избретательней**, а в остальном потише и поосторожнее.

Мудры, как змеи — и кротки (с комитетами: бундом и Питером) — аки голуби.

Весь Ваш Старик.»

(Подчеркнуто нами).

По свидетельству одного из наиболее компетентных в мире современных историков КПСС Леонарда Шапиро, поражает исследователей обилие полицейских агентов, иногда двойных, в большевистской партии, даже в ее верхах. По данным профессора Шапиро (см. Леонард Шапиро, История КПСС, изд. «Аврора», Италия, 1975), некоторые авторы не без оснований предполагают, что большевик-provokator Р. Малиновский (столь же прославленная фигура среди provokatorov-большевиков, сколь Азеф — среди provokatorov эсеров), работал и на охранку, и на Ленина. Но Ленин потом от него отрекся и не стал его защищать, хотя Малиновский, добровольно вернувшийся в большевистскую уже Россию, прямо рассчитывал на защиту Ленина.

Вот чем объясняет обилие в рядах большевиков платных provokatorov охраны профессор Шапиро:

«Во-первых, главная цель охраны — держать обе фракции в состоянии раскола — достигалась легче с «помощью» большевиков, и потому потенциальные агенты засылались именно в их ряды. Во-вторых, неразборчивый в средствах большевик-конспиратор был ближе по характеру к тому типу авантюриста, которого привлекала двойная жизнь полицейского агента и революционера, чем доктринер-меньшевик, к тому же еще и идеалист. Наконец, большевик был, как правило, революционером-профессионалом, находившемся на содержании Центрального комитета; меньшевика же партия содержала лишь в редких случаях — он зарабатывал себе на жизнь самыми различными способами. Профессиональному революционеру в своей повседневной жизни легче сыграть еще одну, хоть и противоположную по сути, роль; кроме того, он испытывал еще большой соблазн сорвать лишний куш — большевики платили довольно скупое, — а охранка — весьма щедро.»

«Держать обе фракции в состоянии раскола» — это была цель, в первую оче-

редь, самого Ленина. Если цель охраны, действительно, была такова же, то остается лишь удивляться тому, как совпадала **губительная для режима** цель Ленина с целью инстанции, призванной режим охранять. Но есть и другие причины обилия аморальных людей в рядах большевистской партии ленинских лет. Ленинская декларативная неразборчивость в средствах, его макиавелистское отношение к вопросам морали, его нужда в людях, готовых по его подсказке на все, не могли с самых ранних шагов раскола не группировать вокруг него людей либо весьма недалеких и бесхарактерных, либо достаточно нравственно неразборчивых. Волевых и разборчивых, которые с ним сближались в различных жизненных и политических обстоятельствах, он, как правило, быстро отталкивал и терял.

На наш взгляд принадлежность к ленинскому крылу марксизма не может не быть предопределена некоторыми специфическими свойствами ума и характера.

В советском фольклоре эта закономерность отражена широко известным анекдотом с выводом, что невозможно одновременно сочетать в себе три качества: ум, порядочность и партийность. Чтобы не обижать себя и других, заменим первое свойство (ум) осведомленностью о программе и действиях партии. Эта довольно отчетливая закономерность связана со следующим принципиальным обстоятельством: невозможно сделать даже нескольких серьезных шагов по выполнению глобально-реконструктивных рекомендаций Маркса, чтобы не убедиться в их невыполнимости. Аналитический склад ума, хорошее знание произведений Маркса и его оппонентов, знание жизни, **интеллектуальная честность** и простая порядочность, **если они у марксиста имелись**, рано или поздно приводили его к ревизии сначала реконструктивной, а потом и констатирующей части учения.

Мы не говорим о миллионах людей, которые знают в марксизме лишь лозунги его радикальных групп и вошли в партию по инерции воспитания и среды, в силу жизненных обстоятельств, не имеющих никакого отношения к сознательному теоретизированию. Но Ленин и его образованные соратники и коллеги по руководству партией прошли сквозь почти 20 лет жесточайшей партийной и межпартийной борьбы, сопровождавшейся огромной полемикой.

Тем не менее, непрестанно жонглируя марксистскими терминами, они ни разу в доводы своих аппонентов серьезно не вникали. Что заставляло Ленина и его сорат-

ников неукоснительно закрывать глаза, свои и чужие, на вопиющее несоответствие того, что они делали, тому, что намерены были, судя по их дореволюционным декларациям, сделать? Несклонность и неспособность к последовательному и основательному мышлению? Нетерпение и нетерпимость? Поверхностность? Интеллектуальная и нравственная беспринципность, которая не могла не проявляться в качестве беспринципности этической и политической? После прихода к власти возникли, разумеется, и самосохранительные, и корыстные соображения (Ленин сам находил у «членов правящей партии» эти качества). Учитывая дореволюционную (интеллектуальную и этическую) предисторию ВКП(б) — КПСС, можно ли удивляться картине того морального и психического распада, которая проявилась в рядах ветеранов «ленинской гвардии» в годы сталинского террора (именно проявилась, а не возникла)? Вокруг Ленина и должны были группироваться люди нравственно, в лучшем случае, небезупречные и не слишком глубокие. Об исключениях, разумеется, не говорят, но мы их, по совести признаться, в рядах устойчивого руководства ленинской партии не знаем. Исключения прозревали и отсеивались всегда и систематически, разными способами.

12.

Был ли человек, сочинивший и произнесший все это, лично жесток?

Мы бы не решились однозначно ответить на этот вопрос.

Скорее всего Ленин, этот гигантский исторический Раскольников, заранее и раз навсегда разрешил себе переступить через кровь, которой потребует его цель, подобно тому, как он позволил себе и своим соратникам переступить через нравственность. Но, в отличие от Раскольникова романтического, он не терзал себя самоанализом, не изводил себя сомнениями в том, имеет ли он право переступить. Раскольников долгое время казнил себя за свою неспособность убить без морального содрогания. В наследии Ленина не ощущается даже тени этого содрогания, которое, правда, приписал ему Горький в своем многострадальном очерке «В. И. Ленин». Но он ведь и не убил никого своими руками!

Он только теории сочинял, произносил речи, бумаги писал и подписывал, в газетах печатался... Не испытывал же Раскольников моральных терзаний, когда напечатал свою статью, где постулировал право «переступить»? Вполне вероятно, что он и приказы подписывал бы спокойно, так и

не ощутив ни разу, что такое убийство. Повидимому, и Ленин не ощутил ни единой миллионной смертей под своим пером. Создается устойчивое впечатление, что Ленин воспринимает «человеческий материал», которым он оперирует, именно так, как хотел бы, но не сумел его воспринять Раскольников: как некую усредненную и схематизированную до полной бесплотности статистическую абстракцию. Невозможно сказать, стоило ли ему это душевных усилий. Во всяком случае, во всем его огромном наследии эти усилия не отразились.

Человек сочиняет нечто, разрешающее убийство. Палач по приказу опускает топор. Первый не убивал. Второй убил по приказу. Достоевский заставил человека, придумавшего **разрешение убивать**, убить **своими руками**. Он убрал все перегородки и сократил до предела расстояние между вдохновителем убийства и палачом, сняв разницу между ними. Чем это кончилось, нам известно. Изобретателю идеи и палачу некуда стало бежать от ответственности, которая в массе случаев ослаблена (субъективно снята) разделением их ролей. Исчезло «Я никого не убил», отпало: «Я убил по чужому приказу». Поэтому Молох (идея) удовлетворился двумя жертвами, а затем убивший ужаснулся себе и был спасен, хотя и не прощен собою самим: простить **себе** такое нельзя, иначе снова погиб... Ленин не любил Достоевского, объединившего сочинителя идеи и убийцу в одной судьбе, чтобы человек ужаснулся содеянному. Ленина не ужасал воплощенный им в жизнь бред Раскольникова, не ужасали убийства, всегда совершаемые чужими руками, где-то за кадром его частного существования.

Те, кто пытаются приписать Ленину в конце его жизни какие-то сожаления о содеянном или серьезные сомнения в своей не лишь тактической, а нравственной исторической правоте, заблуждаются. Вот концентрированное выражение тех сомнений и опасений, которые посещали его в конце жизни:

«Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частно-хозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»...

(Соч. т. 33, изд. IV, стр. 250).

Он и в самом конце своей сознательной жизни не переставал угрожать:

«...когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление — тут иногда достаточно, и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй!». И правильно.

Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы сохранить хороший порядок — в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины...»

(Т. 33, изд. IV, стр. 252).

Трудно поверить, но и абсолютной уверенности, что этой кровавой ценой он ведет Россию по правильному (хотя бы с его партийных позиций) пути, у Ленина не было. В одном только основополагающем своем труде о своих партийных задачах и целях — в «Государстве и революции» (1917-1918 гг.) он **трижды** подчеркнул отсутствие у радикальных марксистов отчетливого представления о том, что они делают. Вот одно из этих высказываний:

«...,обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда, и не теперешнего обывателя, способного „зря”

— вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.»

Вслушайтесь в этот окрик (далеко не единственный в своем роде в ленинской печатно-речевой продукции 1918-1922 гг.): он и спрашивать ничего, с себя не велит! А ведь до октября 1917 года только и делал, что обещал невозможное тем, кого теперь презрительно именует бурсацко-обывательской чернью, требующей невозможного и разрушающей, чтобы разрушать!

17 января 1923 года, **в самом конце своего пути**, Ленин лихо цитирует Наполеона:

«Помнится, Наполеон писал: „On s'engage, et puis... on voit”».

В вольном русском переводе это значит: **«Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет»**. Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели **такие детали развития** (с точки зрения мировой истории это несомненно детали), **как Брестский мир, или НЭП и т. п.»** (Подчеркнуто нами).

Письма Суханову «О нашей революции». С Изд. IV, т. 33.

Жизнь и смерть миллионов людей — «с точки зрения мировой истории» — лишь детали развития... **развития чего?** «Мы все глядим в Наполеоны: двуногих тварей миллионы для нас орудие одно»... Не дословно ли? Остается лишь потрясаться тому, с какой прозорливостью и Пушкиным, и Достоевским предсказана интерпретация некоего **мирового** характера, с такой угрожающей грандиозностью развернувшегося в России XX века в фигуре Ленина.

В. ИНГУЛ

НОЧЬЮ И ДНЕМ...

Все — об одном, все о том, о чем не раз толковалось в зарубежной прессе. Что щемит нашу душу тоской, сожалением, и часто — недоумением по поводу судьбы нашей родины, так неожиданно, даже для врагов ее, упавшей с высоты исторического прошлого в бездну тягчайшего греха, — теперь беспомощной, не могущей вырваться из тисков безжалостного врага. И когда мы, эмигранты, антикоммунисты, пы-

таемся найти выход из тупика, отрицая правомерность, неустранимость большевизма, нам посылают упрек — ничего не забыли, ничему не научились. Мы слышим теперь его все чаще из рядов третьей эмиграции, начавшей в последние годы затоплять остатки первой и всю вторую эмиграцию, упрек, диктуемый скорее презрением, чем индифферентностью к пещерным жителям чуть ли не каменного века. Но мы можем с

успехом вернуть его вам, так называемым диссидентам третьей эмиграции, спустившимся с зияющих высот, так и не достроенного коммунизма в самую гущу капиталистического мира и, конечно, по соседству все с теми же троглодитами-эмигрантами первых двух эмиграций.

Приглядевшись внимательнее к представителям третьей эмиграции мы убедимся, что упрек, бросаемый нам, полностью приложим ко многим из них: действительно — ничего не забыли, ничему не научились. Не забыли, как их поили с колыбели густым марксистским молоком, не поняли ничего и ничему не научились, даже пройдя гулаговскими дебрями, побывав в психушках, этих научно созданных чекистами Снежневских «убежищах». В противоположность нам, ретроградам, в третьей эмиграции, насколько помнится, никогда не поднимался, не дискутировался серьезно вопрос, наболевший с давних пор у нас: кто же, в конце концов, виноват в российской катастрофе? Что нам принес страшный опыт ее и где выход из тупика, к которому привел страну, да не только одну нашу страну, большевизм? Смятение и беспокойство перешло уже в наши дни границы СССР; тупик вырос до планетарных масштабов, все задает себе вопрос: что же дальше? Почему такая неуверенность в завтрашнем дне? И в чем главная, первая причина беспокойства в наши дни?

Для многих уже не является загадкой, картина ясна: столкновение, более, чем вероятное, двух сверхдержав, двух миров, грозит катастрофой всему человечеству.

Оставим Западу защищать права человека, как он может и умеет, и обратимся к нашим эмигрантским делам, которые интересуют кремлевских партаппаратчиков не менее, чем самозащита их от «прав человека» в собственной стране. Но что им эмиграция? Неужели власти не махнули еще окончательно на нее рукой? Оказывается — нет, все еще является она, для внутренней пропаганды, жупелом, сгустком контрреволюции на службе американской контрразведки и т. д. и т. п. И ее надо как-то нейтрализовать — особенно теперь, когда все увеличиваются контингенты новых эмигрантов и просто беженцев из страны «зияющих высот» коммунизма. В некоторой части этой третьей волны сохранился еще в глазах неистребимый свет этих высот, но большинство отвернулось от них и подвергает даже критике стражей их за их неповоротливость, идеологическую косность и, того и гляди, что эта близкая когда-то по крови диссидентская часть эми-

грации может в один кризисный день перейти в лагерь уже подлинных антикоммунистов, в стан первой и второй эмиграций, а это дело не шуточное: если Запад пропускать мимо ушей заклинания, предупреждения последних о потенциальной опасности большевизма для человечества, то к голосу третьих сама логика вещей заставляет прислушиваться: ведь кто лучше отпрысков знает своих отцов и может расказать правду о планах их и замыслах? Надо, значит, парировать эту неприятную возможность объединения всех трех и, может быть, и последующих эмиграций в одно целое. И к решению этой задачи — усилению нейтрализации эмиграции советы и приступают на наших глазах, хотя и раньше были прецеденты этому. Пути и средства для этого всем известны по предыдущим акциям органов: провокация, дезинформация диверсия и пр. Был «Трест», подвизался в свое время младоросс Казем-Бек, приложил непосредственно свою руку и Сталин в страшной памяти операции «килевания», да всего и не перечислишь. Сейчас у КПСС на очереди операция на базе более тонких уже искушений, трогающих самую глубину эмигрантского сердца: состоит она в пропагандной замене правоверного марксизма чисто отечественным русским национализмом: коммунистическая идеология, мол, испаряется, идет возрождение старины. И в советской прессе, и в полуофициальном Самиздате, а также в эмигрантской зарубежной Руси много пишется сейчас о возрождении национального чувства в народе, идут поиски «пропавшей истории» — по выражению тоскующего по старине Вадима Борисова; о нем говорится, как и о других, ищущих альтернативы к русской истории авторов, в простом выступлении Д. Поселовского на расширенном совещании «Посева» осенью минувшего года. Что оживление национального чувства в русском народе, но больше в советской образованщине, наблюдается, начиная со второй мировой войны, когда Александр Невский, Кутузов и др. были подняты Сталиным из могил, отрицать этого нельзя; и в самиздате, и в эмигрантской прессе толкуют эту тему на разные лады, но остается открытым вопрос: не поддерживают ли, не подталкивают ли эти патристические тенденции сами органы и на верхах власти с целью камуфляжа под национализм истинных замыслов и планов коммунистической партократии, как это было во вторую мировую войну? Велик соблазн национал-коммунизма для власти, но он так же абсурден, как и просто коммунизм. Свободный мир смог хорошо рас-

смотреть, что получилось с советским человеком, загнанным в экспериментальную колбу коммунизма, за 60 истекших лет, рассмотрел и сделал выводы. Приходится открывать колбу, чтобы вдохнуть в почти задохнувшуюся жертву струю националистического озона, убедить окружение, что возможно возвращение ветра на круги своя. Таким образом можно будет спокойнее продолжать игру — не только в плане Олимпийских, но и военных игр на том же Дальнем Востоке, или в Африке.

Один из выступавших на посевском совещании высказал свои опасения, как бы советы не «оседлали» возрождающийся русский национализм, использовав его на службе тоталитарной системы. Напрасные опасения! Оседлать было б пожалуй хлопотно дикого американского мустанга, но свою доморощенную лошадку — чего проще! ее и седлать не надо; она будет привязана к седлу марксистского коня и будет идти с ним рядом к зияющим высотам, пока не будет за ненадобностью сдана в чекистскую мясорубку. Так, КПСС подогреванием националистических мечтаний пытается заставить поверить и «там» и здесь, в эмиграции, в намечающийся отход власти от коммунистической идеологии и в возврат к национальным традициям прошлого — на базе прогрессивных идей современности. И некоторые верят в эту сказку и полагают, что хоть — дорогой ценой, но это факт, мы сегодня оказались «впереди человечества» — из Публицистической тетради №1 мюнхенского РНО.

Какая цена всем этим разговорам, намекам, прогнозам о перерождении властей? Ровно грош. Во-первых, потому, что по природе своей тоталитаризм — явление, исключающее возможность мутаций поворотов влево ли, вправо, вообще — эволюции в обществе. Тоталитаризм на нашей родине это — застывшая лава взорвавшегося вулкана, неспособная породить даже чахлое деревцо свободы. Но сегодня уже слышатся отдаленные шумы надвигающейся схватки — стоит только внимательно проследить за содержанием статей в советской прессе, открыто призывающих к созданию широкого международного антисемитского и антимасонского фронта (проф. В. Емельянов в «Комсомольской правде»); ведется кампания против — «крупного капитала, контролируемого евреями» и против «сионистского террора» («Русская Мысль» 21. XII. 78). Если уже сейчас идет поход против «масонов-антисоветчиков и иудаизма — мирового капиталодержателя», то что было бы, если бы в СССР восторжествовал брежневский, скажем, нацизм? Но это все — предположения. Верхи КПСС могут обновляться, но останутся всегда верными принципам большевизма и впредь будут пускать пробные шары ядовитой пропаганды, но будем надеяться, что эмиграция останется незатронутой ею и объединится в единый антикоммунистический фронт борьбы за основное — за свободу человека, оставляя до освобождения страны никому сейчас ненужные вредные межнациональные недоразумения.

Игумен Геннадий (ЭЙКАЛОВИЧ)

ЧТО ТАКОЕ «МЕССИАНИЗМ» ?

(Пролог к Русскому Мессианизму)

Тезис: «Царство Мое не от мира сего...» (Ин. 18,36).

Антитезис: «...да придет Царствие Твое...» (Матф. 6, 10).

Катасинтезис: социализм как попытка устроить человекобожеское царство на земле без Христа или вопреки Христу.

Анасинтезис: мессианизм как исторнософема, целенаправленная на решение антиномии Царства Божьего в порядке устройства богочеловеческого царства на земле в христианско-национальном плане.

Слово, изреченное человеческими устами, хотя и не «созидает небеса», но в определенных условиях способно творить новые реальности, от самых ничтожных до столь могущественных, что, пожалуй, наши «земные небеса» при наличии злой во-

ли когда-нибудь разрушить и сможет. (Но, да не буди сие!). Слово, как Прометеев огонь, может стать благословением, а может обернуться и проклятием. Сгущенное в формулу, оно дает потенциально неограниченную власть человеку над материей;

отчеканенное в лозунг — оно создает эпохи; благоговейно же сложенное в молитву — оно единит человека с Богом...

Сами по себе слова неипостасны и самонедовлеющи. Чтобы обрести экзистенциальную динамичность, они должны сочетаться с другими словами или цифрами, а это возможно только в человеческом разуме, действие которого можно уподобить рубину, образующему лазером луч. Некоторые слова строго индивидуальны (имена собственные), другие, наоборот, безличны и универсальны (напр., связка «есть» в предложении-суждении); иные, снова, однажды родившись, обретают как бы независимое существование, питаются от разных разумных центров и сами, в свою очередь, оплодотворяют человеческие умы (формулы, слова-идеи): эти последние имеют свою собственную историю. Если научные термины, входящие в формулы, всегда себе тождественны, то этого нельзя сказать относительно терминов социологических, философских, историософских. Занимающиеся темами из этих областей должны всегда определить, что они видят именно в данном, основном термине. Желательно, чтобы оба тона — этимологический и семантический, согласовались.

К таким полисемасиологическим терминам принадлежит и **«мессианизм»**, которым часто, злоупотребляют. Все виды мессианизма, если быть верным семантике и этимологии, должны сводиться к двум источникам: к идее «мессии» и к явлению Мессии. В такой перспективе можно сказать априори, что по существу возможны только мессианизм иудейский и мессианизм христианский.

Ознакомимся теперь с различными определениями мессианизма. Одно из первых, появившихся в русских энциклопедических словарях, принадлежит перу Вл. Соловьева:

«Мессианизм». — Вне богословской сферы, хотя в связи с религиозными представлениями, у всех народов, игравших важную роль в истории, при возбуждении национального самосознания возникало убеждение в особом преимуществе данного народа, как избранного носителя и совершителя исторических судеб человечества. Такое значение иногда связывается с тем или иным историческим героем, и М. национальный получает индивидуальное воплощение. Отчетливое выражение М. мы находим (кроме иудейства) только в новейшие времена; это учение предполагает понятие истории как целесообразного процесса, осу-

ществляющего некоторую общую задачу, в исполнении которой должен первенствовать данный народ. Античному миру было чуждо такое понимание истории; оно остается чуждым и азиатскому Востоку, где, притом, всякий народ слишком мало знает и слишком презирает все другие, чтобы считать себя орудием, хотя бы и избранным, для их общего блага. Когда в новой Европе образовались самостоятельные народности, живущие общей жизнью, у каждой из них сознание своего превосходства и стремление к первенству приняли характер М. Таковы: учение о высшем призвании немецкого народа к осуществлению свободной разумности в мире, изложенное Фихте в его «Речах к немецкому народу»; М. французский, связанный частью с идеалами 1789 г. (Еинэ, Мишлэ), частью с личностью Наполеона, наконец с личностью Жанны д'Арк; М. польский Андрея Товянского, образовавшего целую школу последователей; М. русский, представляемый славянофильством. Однородные явления находим у итальянцев, англичан, скандинавов. В М. народов, лишенных политической самостоятельности (как немцы при господстве Наполеона, итальянцы до 1859 г., поляки), преобладает характер нравственный и героический, высшее призвание понимается как обязанность и подвиг; у народов торжествующих и могущественных, М. принимает противоположный характер — призвание берется здесь как готовое преимущество или привилегия. Первого рода М. может быть важным двигателем национального обновления, как это было в Италии и особенно в Германии; М. другого характера вырождается в исключительный и безыдейный национализм, препятствующий совершенствованию народа». ¹⁾

Вышеприведенное определение, на наш взгляд, слишком широкое: оно охватывает и то, что называется **миссионизмом**. Выделив А. Товянского как представителя польского мессианизма, Вл. Соловьев дал искаженную картину польского мессианизма, который, по существу, да и по происхождению, берет свое начало в мессианизме И. М. Гознэ-Вронского, который считал А. Товянского лже-мессианистом.

Иное определение мы находим у Н. Бердяева, охотно пользовавшегося этим термином, хотя и не всегда, заметим, однозначно.

«Мессианская идея внесена в мир

древне-еврейским народом, избранным народом Божиим, среди которого должен был явиться Мессия. **И никакого другого мессианизма кроме мессианизма еврейского не существует.** (Выделено нами, и. Г.) Еврейский мессианизм был оправдан явлением Христа. Но после явления Христа в пределах христианского мира невозможно уже мессианское сознание народа. Избранный народ Божий есть все христианское человечество. Народы имеют свою миссию, свое призвание, но сознание миссианское не есть мессианское сознание. Мессианизм еврейский был основан на исключительном сближении и отождествлении религиозного и национального. Мессианское сознание не есть националистическое сознание, — всегда ведь партикуляристическое, это — сознание универсальное. Еврейский народ не был одним из народов среди народов, это — единственный народ Божий, он призван к делу мирового спасения, к уготовлению Царства Божьего на земле. И мессианское сознание внутри христианского мира есть всегда реюдизация христианства, возвращение к древне-еврейскому отождествлению религиозно-вселенского с национальным. В древне-русском притязании русского народа, что Россия — Третий Рим, были несомненно элементы иудаизма на христианской почве»²)

В отличие от Вл. Соловьева, Н. Бердяев слишком сужает понятие Мессианизма. Ведь кроме идеи национально-ветхозаветного мессии существует идея (и факт!) Мессии новозаветного, Мессии как исторической личности, центральной фигуры нашего эона. С этимологической и семантической точки зрения Бердяев прав; но с христианской точки зрения этот самый ветхозаветный мессианизм был лже-мессианизмом, ибо ложно мыслил Мессию и отверг Мессию подлинного. Да и избранная часть духовных вождей Израиля — пророки (особенно же второ-Исаия), превзошла и сублимировала идею мессии, как национально-государственного вождя. Узкая и статическая мерка из определения Бердяева неприменима к эминентно-динамическому явлению, которое можно поместить между двумя веками: историческим и первым пришествии Мессии в «чуде Вифлеемском» и эсхатологическим, чаемым, вторым пришествием в «тот День». Кроме того, мессианизм XIX века как явление польской культуры и истории, равно как и мессианизм русский, который мы отождествляем с идеологией Св. Руси, суть факты, очевидность которых

доказывать лишне. Вопрос возникает — как интерпретировать их.

Русскому мессианизму мы посвящаем наш основной труд, в котором постулируем тождество этого историософского мировоззрения с идеологией Святой Руси. Став на такую позицию, мы заключаем историю русского мессианизма в двух гранях: первая из них — это крещение Руси и последовавшее в сравнительно краткое время зарождение идеологии **Святой Руси**; вторая — это солженицынская концепция «русской идеи», хотя и не названная автором «мессианической», тем не менее вполне заслуживающая этого названия. Первая грань, отсеченная, это исторический факт, статика; вторая же грань — это живая, все еще развивающаяся реальность, динамика... В нашем труде мы рассматриваем основные вехи развития этой идеи, наряду с положительными и отрицательными, или, вернее, неудавшимися образованиями, отмечая все время тот основной стержень, которым она прорастает в наше национальное будущее. В этой вводной статье, поэтому, о русском мессианизме мы почти ничего говорить не будем, но отметим только, энциклопедически, мессиановедческие феномены на западе.

Мессианическая литература на западе (мы сознательно употребляем слово «мессианическая», а не «мессианская», ибо выводим это прилагательное от слова «мессианизм», а не от слова «мессия») обогащается все время новыми позициями. Кое-кто поговаривает уже о существовании науки «мессианологии» или «мессиановедения», которая, наряду с исследованиями мессианизма *par excellence*, занимается и теми мировоззренческими феноменами, которые следовало бы называть «квази-мессианизмами» или «пара-мессианизмами».

Упомянем, прежде всего Анри Дероша, составившего при сотрудничестве других авторов, **словарь мессианизмов и миллениаризмов христианской эры**³), а также исследование Ионины Тальмон п. н. «Миллениаристические движения»⁴), в котором интересующие нас проблемы рассматриваются в перспективе таких смежных наук, как история, историософия, культурно-антропология, религиология, социология и т. п. Отметим в этой связи, что западный термин «миллениаризм» тождествен в семантическом отношении восточному (русскому) термину «хилиазм» (производные от «миллениум» — лат., «та хилиа эти» — греч. = тысячелетие).

В этих сочинениях термин «мессианизм» имеет столь широкие границы и объемлет

такие различные этнографические явления, что из-за семантической расплывчатости теряет тот специфический аромат, который связан с идеей мессии и личностью Мессии-Христа. Итак, например, у Нормана Кона мессианизм является всего лишь разновидностью **миллениаризма**, понятно как собирательное имя всех тех религиозных движений, в основе которых лежит идея спасения — а) коллективного, б) земного, в) близкого, г) тотального и д) осуществленного при помощи сверхъестественных факторов.⁵⁾ Отсюда новый термин — «сальвационизм».

Другое сечение понятия дает Г. Шепперсон, различая на американской территории миллениаризмы деревенские и городские, англосаксонские, индийские, негритянские, ортодоксальные и еретические, христианские, иудейские и языческие...⁶⁾ Упомянутый уже выше Дерош пишет, между прочим, об океанических культах с известными мессианскими чертами, о «черных Христах» африканских племен и т. п.

Мессианизм смешивают с миллениаризмом и многие другие «мессиановеды» и создают различные типологические модели мессианизма индивидуального (личного) и коллективного, человеческого и сверх-человеческого, активного и пассивного, страдающего и победоносного, религиозного и политического, «макромиллениаристического» и «микромиллениаристического», «до-» и «ле-» (т. е. всечеловеческого или же некоторой группы), «до-миллениаристического» и «помиллениаристического» (т. е. предваряющего период тысячелетнего царства или его завершающего), «до-политического» и «пополитического» (т. е. создающего социально-культурно-политическую систему или появляющегося накануне распада таковой).

Ясно, что во всех этих случаях мы имеем дело не с «мессианизмом», как таковым, или даже не с «мессианологией», а — с «мессианографией», если можно так выразиться. Но все-таки, как можно объяснить такое обилие этих «мессиановидных» явлений?

Посильное объяснение мы можем найти, по праву аналогии, если заглянем в сродную дисциплину учения об откровении.

Род человеческий, эволюционируя от уровня примата к уровню «хомо сапиэнс», лишь на определенной ступени своего развития делается способным к восприятию божественного откровения, дозы которого усиливаются Богом в меру духовного роста человечества. Соответственно этому мы различаем так называемые естественное от-

откровение», (как бы разлитая в тварном мире неипостасная божественная премудрость в виде особых энергий) и нарочитое откровение, когда Бог открывается отдельным людям в определенных обстоятельствах и по определенным поводам посредством Своих вестников (как в Ветхом Завете). Эти две предварительные стадии как бы готовили человечество к совершенному Откровению — в Боговоплощении, в лице Мессии-Христа. Он, Логос, как бы собрал воедино рассеянные во вселенной неипостасные «семенные логосы» (вспомним учение стоиков!) и олицетворил их, став тем фокусом, к которому сбегались все стоявшие исторические лучи и из которого исходят все становящиеся лучи... И, если мы можем говорить о христианских элементах человечества до Христа, то в настоящее время мы правомочны сказать, что мессианские элементы в настоящем существуют и **вне** явленного Мессии, причем они либо тяготеют к Мессии, либо отдаляются от Него. «Человечество» ведь не есть гомогенная «этно-социо-культурная» система, а лишь все еще становящаяся реальность, состоящая из **разных** составных. Поэтому-то мы и имеем дело с мессианизмами, квазимессианизмами, псевдомессианизмами и антимессианизмами...

Нас, лично, больше всего интересуют основные типы мессианизма, именно — мессианизм иудейский и мессианизм христианский. Первому мы посвятили исследование, уже напечатанное в другом журнале.⁷⁾ В настоящей статье нам хотелось бы дать еще краткий абрис второго, наряду с русским, славянского мессианизма, именно — польского, откуда и само название **мессианизма** произошло.⁸⁾

Польский мессианизм — это достояние польских мыслителей и писателей XIX века по преимуществу. О нем можно сказать, что состоит он из мессианизма Гоэнэ-Вронского и всех остальных, среди которых имеются мессианизмы революционные и консервативные, личностные и национальные, философские и поэтические... Когда знаток этой области, проф. А. Валицкий писал, что «...почти все главные идеи польского мессианизма были вдохновлены мыслью французских мыслителей, либо имели в ней более или менее верные аналогии»⁹⁾, то он имел в виду, несомненно, именно эту группу, ибо в своем обширном и прекрасно библиографически оснащенном труде, из которого мы привели цитату, он не отвел мессианизму Вронского особой главы (сделал он это позднее, в других исследованиях). И действительно, если мы ознакомимся с труда-

ми таких французских мыслителей, как Сен-Симон, дэ Мэтсрэ, Балланш и др., то удостоверимся, что многие из их идей были использованы в творениях польских мыслителей в качестве некоей закваски... или «горчичного семени», выросшего в большое и своеобразное растение на польской почве. Один Вронский стоит особняком и, хотя он был современником прославленных французов, тем не менее повел свою мессианическую мысль по совершенно иному, чем они, руслу. Достаточно сказать, что уже в двадцатых годах прошлого столетия он начинает называть некоторые свои труды, а затем и всю свою философию — **мессианическими**, введя таким образом этот термин **впервые** в словарное употребление.

Как же определяется мессианизм в ответственной польской литературе? Однозначного определения мы в ней не найдем, да и возможно ли оно вообще? Для иллюстрации приведем несколько наиболее характерных дефиниций.

Итак, **Ежи Браун**, напр., поределает **мессианизм, как целое тысячелетней культуры польского народа**. Определение это, на наш взгляд, имеет «интенционально-благожелательский» характер и не может быть объективно обоснованным в той же степени, как это возможно, например, с постулируемым нами тождеством русского мессианизма и идеологии Святой Руси.

А. Валицкий считает, что **мессианическими** суть те течения, которым это название приписывалось их авторами либо современниками последних.

А. Сикора, наконец, занимает непререшенческую позицию и отказывается вообще от попыток дефинировать это понятие, считая, что при всем разнообразии мессианических учений, мессианизм, как таковой, может постигаться только в порядке интуиции.

Такие принципиальные мессианистические установки не мешают, однако, их авторам давать и более узкие, менее расплывчатые, дефиниции.

Ежи Браун, например, отмечает, что существовали три течения мессианизма: 1) псевдомессианизм Мицкевича и Товьянского, 2) национальный мессианизм Цешковского, Трентовского, Красинского и других и 3) универсальный мессианизм Гоэнэ-Вронского. Он же, соответственно, уточняет: 1) мессианизм Товьянского и Мицкевича родственен александрийскому иллюминизму (градуализм, предсущест-

ование душ, гнозис) и сен-мартинизму; его основной слоган — **«Польша является Христом народом»**; 2) национальный мессианизм Цешковского, Трентовского и др. гласит, что с Польши начнется возрождение христианства и построение нового миропорядка, в котором христианская этика будет определять международные отношения; его основной слоган — **«Царство Божие на земле»**; 3) Мессианизм Вронского трансцендирует рамки исторической роли Польши и относится к всечеловеческому «исполнению христианства» путем финального отождествления философии с религией, которое совершится в результате познания сущности Абсолюта; его основной слоган — **«обретение человеком спасения — бессмертия автономным актом автурсии, возможность которого предоставлена ему Богом»**.

Также другие польские мыслители, например, И. Уейский, или тот же А. Валицкий, наряду с общими определениями мессианизма дают и более узкие дефиниции, но мы их не будем здесь приводить, так как соответствующие **элементы** этих дефиниций будут нами использованы для построения следующих дефиниционных вариантов:

1) Мессианизм **библейский** — это вера еврейского народа в то, что он является богоизбранным сосудом божественного промысла о человечестве и что в связи с этим ему предназначено вселенское религиозно-национальное первенство.

2) Мессианизм **польских романтиков XIX века** — это вера в призвание польского народа, страдающего под гнетом трех расчленителей — России, Германии и Австрии, быть искупительной жертвой, на подобие крестной жертвы Иисуса Христа, целенаправленной на пробуждение международной совести и на христианизацию межгосударственных отношений для спасения человечества.

3) Мессианизм **Гоэнэ-Вронского**, (создателя этого термина), и его последователей, вронскистов, — это философия бессмертия, во исполнение заповеди Иисуса Христа о новом-свыше рождении, со всеми импликациями метафизического, историософского, научного, этического, национального, государственного и социального характера.

4) Мессианизм есть идеология, заключающая в себе все или некоторые из следующих элементов: призвание к участию

в судьбах человечества путем служения, учения, страдания или искупления, по аналогии с основными темами жизни явленного Мессии, в эсхатологической или апокалиптической перспективе и во исполнение замысла Божьего о человеке.

Четвертый тип мессианизма, представляющий собой не отдельное историческое явление, а некую историософскую интерпретационную категорию, можно еще восполнить тремя «метафорическими» сравнениями, сказав, что он является: а) историческим сказуемым к подлежащему Мессии (предлагается польскими мессианистами XX века); б) философским аспектом богочеловеческой драмы, или в) историософской рецепцией темы о «длющейся Пятидесятнице».

Русский мессианизм объемлется четвертой дефиницией-категорией.

Из вышеприведенного явствует, что из-за сложности понятия мессианизма, употреблять его без определенной квалификации не рекомендуется, так как такое содержание будет слишком бедным. «Родовой» термин мессианизма нуждается в любом случае в «видовом» отличии (дифференция специфика), как например: мессианизм библейский, Мицкевича, «имя рек»-а, XX-го века, русский и т. п., разве что мы будем иметь в виду Мессианизм, как имя собственное, т. е. название абсолютной философии Вронского.

Из рамок таким образом определенного Мессианизма должны выпасть те доктрины, которые имеют характер миссионерский (всякий мессианизм предполагает миссионерство, но не наоборот!), и все те идеологии, которые отличаются анти-христианским характером. К послед-

ним принадлежит, например, расистский нео-языческий немецкий национал-социализм, или же материалистический коммунизм. Бессмысленно называть **мессианической** идеологию, глашатаи которой ведут бескомпромиссную борьбу с учением Мессии!

Примечания:

- ¹⁾ Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, С.-Петербург, 1896, т. 37-й.
- ²⁾ Н. Бердяев, «Миросозерцание Достоевского», стр. 187-188.
- ³⁾ H. Desroche, „Dieux d’hommes. Dictionnaire des messianismes et millenarismes de l’ère chretienne”. Paris — La Haye, 1968.
- ⁴⁾ Y. Talmon, “Millenarian Movements”. „Archives Europeennes de Sociologie”, 8 (1966) nr. 2.
- ⁵⁾ H. Cohn, „Medieval Millenarism: Its bearing on the Comparative Study of Millenarian Movements”, in „Millenial Dreams in Action. Essays in Comparative Study”, ed. by S. C. Thrupp, The Hague, 1962.
- ⁶⁾ G. Shepperson, op. cit.
- ⁷⁾ «Еврейский мессианизм», Вестник Р.Х.Д. Нр. 121, 1977.
- ⁸⁾ В особом исследовании, еще не напечатанном, мы рассматриваем польский мессианизм И. М. Гоэнэ-Вронского, как а) философию религии, б) философию истории и в) философию государства и польский мессианизм вообще, как разновидность романтизма XIX века.
- ⁹⁾ Andrzej Walicki, „Filozofia a mesjanizm”, Panstwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa, 1968, str. 22-23.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Что-то «Грани» покатались под гору. В №107 нечего и читать. Повесть Н. Оли-на «Третья скамейка слева» — цепь довольно бледных очерков из быта работников советского кино. Литературные и публицистические статьи в общем не обогащают наших познаний ни о творчестве А. Галича и В. Максимова, ни о разных непо-

ладках в структуре большевистского общества.

Не изменяет этого впечатления и №108. Заумный рассказ В. Андреева «Изменение» — дешевое подражание Набокову и Орвеллу. Коротенькая новелла Л. Данильцева «В войну, трудную и для собак» при-

надлежит к «страшному» жанру, но художественно тоже не на высоте. Стихи О. Охапкина, несмотря на предпосланный им хвалебный очерк Д. Дара, — среднего качества; хотя идеологически их можно только одобрить:

И в недрах народных восстанет Господь,
И мышцею сильной и душу, и плоть
На доблесть и подвиг восставит
И славой страдальца прославит.

Зато очень хорош этюд А. Опульского «Вокруг имени Льва Толстого», дающий живую и обстоятельную картину быта и деятельности «храма толстоведения» — Музея Льва Толстого при Институте Литературы Академии Наук.

В отделе библиографии отметим досадную опisku в статье В. Чернявского «Братство гонимых»; ссылку на несуществующую «Балладу Редингтонской тюрьмы» (широко известное стихотворение Уайльда называется «Баллада Редингской тюрьмы»!).

Если №1 «Ковчега» подавал некоторые (впрочем, слабые) надежды, то №2 их не оправдывает. Может быть, в СССР публика готова читать любую словесность, лишь бы не отродоксально красную. Но за рубежом, где есть доступ к иностранной и к эмигрантской литературе, требования предъявляются строже; и им претенциозные и беспомощные рассказы сотрудников данного издания отнюдь не удовлетворяют.

«Эхоб №3 оставляет тоскливое ощущение. Ему бы называться «Провал» или «Пустота». Допустим ли и нужен ли вообще-то авангардизм — иной вопрос. Но тут ни у кого из участников не видно таланта, а видны отсутствие вкуса и нездоровый эстетизм.

По поводу журнала «Время и мы», В. Марамзин вешает: «Тем более приятно читать здесь журнал, который всеми четырьмя лапами вляпался в процесс и елозит в нем в свое удовольствие, мало заботясь о конечной истине, одобренной хранителями вкуса и хороших манер!» Целая программа! и что за слог! Продолжим: «Кстати, и в нашей авангардной прозе последнее время появились попытки стереть эстетический низ и выйти тем самым за пределы русской литературы» — якобы в мировую, «на европейский уровень».

Наряду с нелепыми мыслями о литературе у Марамзина попадают дельные о политике. Например: «Многие поляки и

польские евреи еще за неделю до «освобождения» баловались социализмом и считали, что у них то будет по другому».

Что до морального уровня «Эха» и его сотрудников, вот выдержки из «Секретной тетради» Э. Лимонова: «лучший мой боевой товарищ и бывший любовник Виктор»; «В настоящее время я влюблен в молодого Z». Другие (стоящие рядом строки) немислимо воспроизвести: они состоят из слов, коих элементарная опрятность не допускает ни в печати, ни в разговоре. Подлинно, Лимонов «вышел за пределы русской литературы»!

А Европу не удивить: да и кто не читал «Сатириков» или хотя бы *Virgilius*: *Formosum pastor Corydon ardebat Alexin*.

Наредкость противен репортаж В. Сосноры «Из книги 1973» о Париже. В жизни великого города он не понял ни бумбум, но брызжет слюной на русскую эмиграцию (глумясь над дряхлостью встреченных им старых литераторов) и растекается восторгом по адресу французских коммунистов и прогрессистов (Арагона, Эльзы Триоле). Оно было бы вполне на месте в «Октябре», но зачем такое публиковать за границей?! Отменно глупо зубоскальство о: «Великом Князе Константи́не, претендента на советский престол». В эдаком стиле (но поумнее) упражнялись в «Экране» в 20-ые годы. Невежеством никогда не надо хвалиться; да и хамство — не добродетель.

В №2 содержится следующий список «основных журналов Зарубежья»: «Континент», «Вестник Р.Х.Д.», «Время и мы», «Посев» и «Третья волна». А про такие — уж самые, бесспорно, **основные** — журналы как «Новый Журнал» и «Грани» молчок... Составители перечня вправе были бы о себе воскликнуть, как баснословный крыловский посетитель кунст-камеры:

Слонов-то я и не приметил!

Исключительно гадов в том же номере очерк И. Бродского о греческом стихотворце Кавафисе, полный копания в извращенных сексуальных мерзостях. Притом, он дан в из рук вон скверном переводе (с английского) А. Лосева. Приведем образец: «Единственной силой... был *lingua magna Grecae*». В последних четырех словах — три грубейших ошибки.

Рассказы С. Юрьенена, Д. Дара и Г. Шефа насыщены больной эротикой. Орган г-д Марамзина и Хвостенко явно тяготеет к порнографии. Что до буйно рекма-

мируемого «Эхом» Б. Вахтина, он не лишен дарования, судя по его повести «Одна абсолютно счастливая деревня»; жаль только, что он сам себе вредит ненужными формалистическими вывертами. О рифмованной части журнала дискутировать нет смысла: может быть это и стихи, но отнюдь не поэзия.

В «Континенте» нас удивляет не плохое (художественно бездарное, грамматически безграмотное, политически и морально неприемлемое), а хорошее, когда оно все-таки там обнаруживается. Как например, в №17, отличная статья В. Краснова «Русский склад ума или западное состояние умов», опровергающая очередную чепуху про Россию, выразившуюся, в данном случае, в книге некоего Р. Хингли: «Давно пора понять, что коммунистический тоталитаризм — не национальная болезнь, а общечеловеческий недуг!». Краснова мы уже знаем по его работам в «Гранях», всегда блестящих по логике, аргументации и трезвости соображения. Хочется верить, что в «Континент» он забрел по недоразумению.

Положительно воспринимаешь сперва и серьезную, толковую заметку Н. Артамоновой «О писателе Юрии Домбровском». Однако как приглядишься ближе,стораживает сочувствие рецензента только тем героям романов покойного писателя, которые отрицают большевизм **частично** (директор музея, Зыбин), и резкое ее отталкивание от тех, которые его отвергают totally (Корнилов, Куторга). Можно бы утверждать, что такое отношение подсказано самим Домбровским, но это — смотря какими глазами его читать! В статье о подсоветском поэте О. Чухонцеве, Н. Коржавин цитирует его стихи; некоторые из них чудесные:

На болотах, где не выстоит гранит,
Деревянное отечество стоит.

Литературный материал состоит в «Континенте» из вполне бесталантных стихов и тягучей, бесцветной и бесформенной прозы, одобренной неприличным сквернословием. И «Зима 53-го года» Ф. Горенштейна и «Под знаком Ближнецов» С. Юрьена нам рисуют персонажей даже натошак ведущих себя как пьяные; а впрочем они почти всегда и впрямь пьяны. Причем, это не такое пьянство, как у В. Ерофеева, за которым стоит — или кажется, что стоит — что-то иное; а просто — грязное, беспробудное и бессмысленное. Авторы нам стараются представить нашу родину про-

пашей, растленной и отупевшей; да мы не верим. Там есть такое... а есть и иное.

Этюд Т. Меран «Догмы и табу» ставит целью убедить, что в нынешней Венгрии масса свободы: даже бульварные романы позволяют печатать! Герои Будапешта боролись не за **такую** свободу... Единственный его упрек коммунистической Венгрии: зачем она не добивается присоединения Трансильвании (где большинство населения — румыны). Именно в данном пункте нам трудно теперешнее венгерское правительство осуждать. Вслед за французскими леваками, Меран плетет дикуую чушь о термине **табу**. На деле, у туземцев Океании была вполне разумная и рациональная система, основанная вовсе не на мистике: запрещалось убивать полезных животных; заключать браки в рамках близкого родства; селиться близ вулканов и т. п. Позже, как часто случается, ограничения эти окостенели и отчасти потеряли смысл. Европейцам же, не понимавшим местного быта, они казались смешными, да и были часто невыгодными.

Интервью с П. Григоренко вносит лепту в саморазоблачения «Континента». Он о себе заявляет: «Я не коммунист. Но я и не антикоммунист» И критикует журнал за нетерпимость к... Плющу, угрожая, что если де так поступать, «то взаимного обмена мнениями с коммунистами не наладить». Что же, пожелаем г. Максимова со присными сей вожделенный обмен благополучно наладить.

В заметке от редакции так-таки и пишется: «Книга **Вацлава Черны**». Сие надругательство над русским языком не оправдано даже фонетически, а уж грамматически есть полный нонсенс. Словно пишет иностранец, плохо знающий по-русски...

Даже вполне грамотный В. Бетаки в подобном окружении, опускается ниже себя и пишет, да еще в переводе (из А. Раннита), где нельзя работать спустя рукава, в стихотворении «Секст Проперций»:

Желтое платье Кинтии.

Имя возлюбленного **римского Каллимаха** по-русски подобает транскрибировать **Цинтия**.

В №18 отрывок из романа П. Гомы вызывает недоумение. Если это перевод с румынского, то не на русский, а на блатной жаргон, трудный для понимания, пересыпанный похабщиной. Вот пример: «Ну кирюха, закадрил бабешку?» У румынских патриотов, наверное, вызовут возмущение

презрительные отзывы об их стране и ее истории и традициях с позиции голого морального нигилизма. Как и у нас высказывания наших диссидентов о России...

Самое отвратительное в номере — статья В. Янкова, который злобно и невежественно:

Расчленяет Русь на карте
Указательным перстом,

и самое трудное, как обычно — словоизлияния В. Некрасова; он без конца *parle pour ne rien dire*, и не в силах остановиться.

Статья А. Малумяна напечатана в плохом переводе (увы! в «Континенте» это вошло в правило), Строка из Державина:

Неправный суд разбоя злее
превращается в: «Нет злодеяния худшего, чем неправый суд». Вспоминается пресловутый обратный перевод «Полтавы»:

Был Кочубей богат и горд.

Исследование протоиерея А. Шмемана о творчестве В. Варшавского, эстетически утонченное и построенное в плане «христианских мудрствований» абсолютно не на месте в «Континенте». Оно бы лучше пошло к «Вестнику Р.Х.Д.».

В целом, от журнала излучается мертвенная скука; та же, что от советской прессы. Идеология вроде бы и не та, (или не совсем та), но слог, приемы, манера мыслить и рассуждать — вполне идентичны.

Номер 39-40 «Современника» читается с интересом, но не всегда с удовольствием. Тут много такого, чего бы совсем не стоило печатать. Однако, начнем с хорошего. Продолжение романа Л. Фабрициуса «Возврат» остается на том же превосходном уровне, что и предшествующие главы. Миришься с крутым поворотом сюжета (главный положительный герой стал злодеем!) и с увлечением следишь за борьбой, завязывающейся между западно-германской контр-разведкой и чекистами.

Рассказ П. Петрова «Девушка под зонтиком» оставляет впечатление первого опыта, в котором заметны проблески таланта. Что до повести А. Гидони «Накипь», отложим обсуждение до ее окончания. Покамест, в море новых лиц и их споров о политике, фабула растворяется и внимание читателя слабеет... Повесть превращается в картину нравов, похожую, скорее, на репортаж.

Из стихов всего лучше «Песня» Д. Надеждина; в ее пяти строфах — уйма чувств

и мыслей. Ответим автору: никто не винит Кучума, дравшегося за себя и свой народ по суровым обычаям войны. Только — Ермак нам дороже; ибо он — символ **нашей** силы и **нашей** славы.

К «Поэме без сюжета» В. Перелишина сделаем два замечания: Мальгашское имя **Ранавалона** (так звали последнюю королеву Мадагаскара) имеет ударение на третьем от конца слоге и точнее бы рифмовало с отчеством **Павловна**, чем с существительным в родительном падеже **закона**; 2) Франсуа Вильон умирал, — но нет указаний, чтобы он умер! — от **жажды у фонтана**:

Je meurs de soif aupres de la fontaine!

В полемике же с К. Померанцевым и И. Одоевцевой, Перелишин Бог весть с чего и для чего, неумно поносит Пушкина... Лучший способ оттолкнуть публику, даже тех, кто ему сочувствовал! Странно и грустно присутствовать при грубой бестактности со стороны культурного и талантливого человека...

Очерк В. Самарина «Есенин за границей» продолжает и утверждает установившуюся в «Современнике» скверную антиесенинскую традицию (вспомним статью Б. Нарцисова в №35-36). Здесь речь сплошь о пьянстве и хулиганстве, без попытки вникнуть глубже. Откуда у канадского журнала злость против рязанского соловья? Не содержится ли объяснение в заключительных (и на 100 процентов правдивых!) словах очерка: «Россию же, родину свою, Есенин любил подлинно сыновней любовью. Свидетельство тому — его стихи».

«Трактат В. Гиндина «Что нужно, чтобы пришел Христос?» выглядит провокацией, от имени евреев сочинитель зывает: «Господи, да разрушит Китаец все русские школы и разграбит их, и да будут русские насильно китаизированы. Да забудут они свой язык и письменность» При чем тут Христос? Не к Сатане ли адресует безумец свои преступные моления? Пусть вспомнит, что сказано «Кто сеет ветер, пожнет бурю», и еще «Не рой другому ямы».

В. Красильщикова предлагает нам недурные переводы из Теннисона, из коих удачнее всего «Кларибель». Подробнее надо поговорить о переводах А. Гидони. «В деревне», переложение белорусского стихотворения М. Богдановича «У весцы», в целом выполнено с успехом. Стихотворение само по себе прекрасное; в нем не только эпиграф взят из Пушкина, но и ин-

тонация совершенно пушкинская; будь оно создано по-русски, мы бы все его давно знали наизусть.

Кое-какие недочеты перевода кидаются все же в глаза. Нельзя писать **через красу дивчины** вместо **через красоту девушки**, внося отсутствующий в подлиннике местный колорит, притом же ложный: украинский, а не белорусский. Стоящее у Богдановича **у воблику дзяучыны** следовало передать **в облике девичьем** либо **во образе девицы**. Нехороши, по тем же причинам, многократное повторение **дивчинка** вместо **девчурка** и **хлопчик** вместо **мальчик**. Раз переводить, то уж на чистую русскую речь!

Сам Богданович в написанном им по-русски на ту же тему рассказе «Мадонна» употреблял ведь вполне русские слова: **девочка, девченка**. Добавим еще, что **магерка** есть **шапченка**, но отнюдь не **кепочка**!

Перевод «Сонета» Богдановича («Паміж пяску егіпецкай зямлі...») свободен от подобных недостатков. Но почему в нем опущен эпитафия из Буало и посвящение А. Погдину? Так поступать, при воспроизведении сочинений покойного писателя неудобно по правилам литературной этики и научной добросовестности!

Хуже справился Гидони с передачей «Песни казака» Хосе де Эспронседы. Сжатость и энергия оригинала улетучились в русской версии; ряд куплетов пересказан неточно (например, первая строфа о Польше; да и сам рефрен). А оружие казака вернее было бы именовать **пика**, а не **копье**.

Напрашиваются возражения и на вводный экскурс Гидони: «Русское» стихотворение «испанского Байрона». Неуместно (на манер коммунистического литературоведения) сводить оценку великого романтического поэта к набору социологических интерпретаций. Его прозвали **испанским Байроном**, но с русской точки зрения ему бы лучше подошло имя **испанского Лермонтова**; на этого последнего он больше похож, чем на Пушкина, с которым его сравнивал крупный ирландский испанист сэр Джэмс Фицморис Келли. Бунтарство его подобно байроновскому, — против мирового зла, а не конкретного политического строя (это — второстепенно). Пират Эспронседы (в значительнейшем его стихотворении) — не республиканец или социалист; он ищет **неограниченной** свободы, **воли** в русском народном ее понимании; он, как Измаил-бей, **борется с судьбой**. Вот почему мятежному испанскому дворянину оказался (или показался) сродни русский казак, предшественник блоковских скифов. Нет нужды добавлять, что

концепция-то его в корне превратна: казаки несли Европе порядок, а не хаос.

Трудно согласиться с Гидони, будто современные лирики Испании затмили прежних, в частности гениальных романтиков Эспронседу и Беккера! Их не затмит для испанцев никто. Да и кто в Англии затмил Байрона, в Германии — Гейне? А уж если разбирать позднейших испаноязычных мастеров стиха, надлежало бы первым делом упомянуть блистательного никарагуанца Рубена Дарио (чьим не весьма искусными подражателями являются Хиженес и Мачадо, которыми неумеренно восхищается Гидони). Мало обосновано обвинение Эспронседы в риторичности: ее больше в переводе, чем у него самого. Далее, не совсем верно, что дореволюционная Россия плохо знала Испанию. Были замечательно переведены в стихах пьесы Кальдерона (Бальмонтом) и Сервантеса (Островским), а в прозе — даже повести Беккера; имелась по-русски, кроме перечисленных Гидони трудов, монументальная история испанской литературы Тикнора. Тема же о путешествиях и рассказах об Испании у русских авторов явилась бы неисчерпаемой.

Исследование Г. Панина о Фофанове было бы более на месте в советской печати, чем в зарубежной. Памяти поэта (настоящего; хотя и второго ранга) оно чести не делает. В **его время** легко было показывать правительству кукиш в кармане, сочиняя зашифрованные стишки против царя!

В статье А. Дружинина «Солженицын и Киссинджер» проницательные насмешки над Киссинджером (не будем писать фамилию немецкого еврея через **дж**, идущее ему, как корове седло!) критика же на Солженицына неубедительна (зачем де он не верит в социализм, зачем де он порицает колониализм; а что же тут плохого?)

Пренебрегая другими журналами, Ю. Григоров отводит целый обзор полемике с «Голосом Зарубежья». Критика его в высшей степени субъективна. Возразим лишь на несколько пунктов. Стараясь свалить вину за коммунизм на русский народ, он подчеркивает, что неудача в построении коммунизма произошла в России. Но где же оное построение удалось? Хотя во многих странах пробовали... И напоминает, что коммунизм везде насаждается силой русских штыков. Но в Африке его несут кубинцы, а в Индокитае его подготавливали китайцы. Он многозначительно намекает на конфликты России с Китаем до революции. Словно бы у нас веками кипели кровавые войны! А имели место лишь мелкие территориальные и торговые недоразумения. Сколь же жесто-

ченнее мы сражались с Персией, Турцией, западными соседями! Участие же наше, с европейскими державами вместе, в подавлении боксерского восстания, было, безусловно, ошибкой. Мудрый граф Витте справедливо стоял за наш прочный союз с Китаем.

Неясно, что подразумевает Григоров, упрекая меня лично в **небеспристрастии** к Максиму, Некрасову и Гладилину? Я ни с одним из них не знаком, дел не имел и не имею; не схожусь с ними во мнениях — так разве запрещено? **Литературные** их произведения я критикую не по политическим соображениям (не настолько уж я глуп!) А Максимова всегда характеризовал как талантливое писателя; хотя его последний роман (судя по опубликованным отрывкам) гораздо ниже по качеству, чем прежние.

Похоже, мой оппонент просто сердится, зачем у меня своя точка зрения, а не та же, что у него (которой я и знать не могу, и тем более не обязан пропагандировать!) Главное, что «Современнику» у нас не нравится — наша любовь к России. Но тут мы ничего изменить не в состоянии. Любопытно, что негодование недругов России направляется на нас, а, скажем, не на «Русское Возрождение», непрерывно твердящее о **национализме**. Но там редко произносят слово **имперский**; а уездный, провинциальный национализм, пусть и русский, руссофобам не страшен: он не объединяет, а разъединяет (что им и требуется).

Намерение «Современника» отныне поддерживать Синявина, откровенно соединившегося, видимо и финансово с его сепаратистами, наводит на опасения. Вообще, за эволюцией журнала следишь с тревогой. Имеет ли он еще право величать себя «Журнал русской культуры и национальной мысли»? Да и самое имя «Современник», которое носил как ни как печатный орган, основанный Пушкиным...

Номер 3 «Синтаксиса» стоит прочесть из-за превосходной, блестящей по стилю и благородной по направлению статьи М. Каганской о Катаеве. Прочее — вода; мутная, на поверхности коей всплывают как масло елейные восхваления Б. Шрагина диссидентам и детективные изыскания А. Синявского о том, кто из этих диссидентов сотрудничает с чекистами, испугался на допросах, выдал товарищей под пыткой и т. д. Из Шрагина выпишем такие перлы: «Но и каждому обществу... нужен свой Уотергейт. Америка... отмытаясь от греха Вьетнамской войны...» — продолжать не к чему; чисто большевистская лексика и мышление автора говорят сами за себя. А. Амальрик, в своей ненависти к русскому народу, и к нашему

многострадальному крестьянству в первую очередь, грязно ругается. Юпитер, ты сердишься...

«Единение», в номере от 15 сентября предлагает этимологическое объяснение различных слов, включая и местные названия. Но предложения сии весьма сомнительного свойства. Так, имя **Ока** выводится из сфисского **ака** — «злой». На деле, куда правдоподобнее широко распространенное истолкование, связывающее **Ока** с латинским **aqua** — «вода». Недаром в некоторых русских диалектах **ока** и значит — «вода». Отметим, в номере от 13 октября, большую статью Е. Вагина «Монархисты в лагере», содержащую богатую и интересную информацию.

В «Русской Жизни» от 14 ноября Н. Нефедов затрагивает вопрос о разнице между **русскими** и **советскими** поэтами и писателями; более сложный, чем он думает. Скажем, Евтушенко — флюгер и подхалим; но иные его стихи, полные русского патриотизма, в нашей литературе, наверное, останутся; Паустовский, при всех компромиссах, принадлежал к наиболее честным авторам своего страшного времени. Особенно удивляют нападки Нефедова на талантливую и несчастную О. Берггольц: у нее мужа расстреляли, дочь умерла чуть не с голоду, самое ее долго травили... Стихи (вероятно, ранние) во славу коммуны легко бы ей простить: многие в СССР на момент увлекались; порою же и писали на заказ (тоже не столь уж тяжкий грех. Если ее осуждать, то как же с Ахматовой? Некоторые стихи Берггольц о сталинском терроре вряд ли когда будут забыты...

В номере от 12 января Ю.К.П. сурово критикует довольно невинные языковые небрежности, вроде следующих: «Где вы положили перчатки?»; «Он, может, устал»; «одел шапку» (но «одел» вместо «надел» употребляли и наши классики и наши летописцы). К сожалению, язык зарубежной печати (включая и «Русскую Жизнь» полон гораздо худших ошибок. Врачу, исцелился сам!

Вот, к примеру, в «Нашей Стране» удручающе неряшливо даются иностранные имена и названия (чего бы ведь так нетрудно избежать!): **Шиханук** вместо **Сиханук**, **Пном-Пей** вместо **Пном Пень** и даже **Чан-Кай-шек** вместо **Чан-Кай-ши**! Удивляет и написание «**Эл Крониста Комерсиал**» вместо «**Эль Крониста Комерсиал**»: почему русская газета в Аргентине говорит с английским (или португальским) акцентами? Но хуже всего оборот в **Алабама** вместо в **Алабаме**; если так дальше, скоро начнут писать в **Кострома**, в **Тула**, в **Москва**!

Литературную часть №133 «Нового

Журнала» можно охарактеризовать как **продолжение прежнего** (вполне доброкачественного). Р. Гуль рисует жизнь русского Берлина двадцатых годов; Берлин описывает и Г. Андреев, но 40-х годов, увиденный глазами военнопленного; тогда как П. Паллий, говоря о Германии того же периода, изображает процесс вступления другого пленного в РОА. Среди стихов драгоценно воспроизведение потрясающей «Владимирской Богоматери» М. Волошина, и очень хороши два маленьких стихотворения Ю. Иофе.

Поблагодарим Г. Струве за публикацию «Забытой статьи Гумилева» и особенно за обстоятельное к ней послесловие. Поразительно, как много интересного автор сумел в нем рассказать в предельно сжатой форме (не столько о Гумилеве, как о менее известных поэтах, его современниках). — Всяческой похвалы заслуживает и дельный, оригинальный очерк Л. Тарасюка «Петербургские фехтовальщики пушкинского времени».

В №5 «Русского Возрождения» изумляет перепечатка главы из романа И. Лукаша (очевидно, целиком созвучной идеологии редакции?) с яростными атаками на патриарха Никона, Петра Великого и его родителей, Алексея Михайловича (государя, однако же, в высшей степени гуманного, умеренного и разумного) и Натальи Кирилловны. Мы не против староверов, и от души желаем их примирения с верой большинства. Однако уместно ли анафематствовать Никона и Петра, чьи реформы были абсолютно необходимы, даже если они и проводились слишком круто? И это в **православном и национальном** органе печати! Россия не могла насовсем отгородиться от Запада, да и от остального православного мира (Балканы, Греция, даже Украина и Белоруссия). Московскую Русь ругать не надо: задачи своего времени она превосходно решала. Но закостенеть в отживших формах оказалось бы для нее губительным безумием. Бог спас через Никона и Петра.

Методологически порочны ссылки автора, в защиту двоеперстия, на Сергия Радонежского. Тот жил по обряду своей эпохи; как знать, к кому бы он примкнул в XVII веке? Троеперстие же не помешало святому Серафиму Саровского или Иоанну Кронштадтского. Нелепо и сравнение Морозовой с Жанной д'Арк: Орлеанская Дева спасла Францию, раскол наделал тяжелых бед России. А уж когда Лукаш начинает открещиваться от Пушкина и Гоголя, это — сущий нигилизм справа! Спаси нас Господь от **Возрождения** на сих началах; оно обернется **Омертвлением...**

Из статьи Г. Рара видно, что для него

«Православное Дело» в кавычках, и даже православное дело вообще тесно увязывается, если не отождествляется, с солидаризмом. А оно должно быть выше партий; если же с какой политической идеологией связано, то уж, как справедливо писал игумен Геннадий Эйкалович, с монархической. Неприятно звучат инсинуации Рара, будто русские цари были по духу протестантами; ссылки на митрополита Антония тут мало помогают (если он такое когда и сказал, то уж, верно, в ином контексте).

Журнал перепечатывает «Обращение Великого Князя Владимира Кирилловича» (почему-то именуя его «Заявлением» (Sic!)?), очень умное и интересное; но отчего же с большими купюрами? Места не хватило? Так оно коротенькое... Скорее всего, «Возрождению» часть высказываний Главы династии не подходит. Все же, удобно ли искажать **такой** текст? Впрочем, оно уже давно опубликовано в «Нашей Стране» (и не только там).

Гвоздь №127 «Вестника Р.Х.Д.» — интервью Солженицына английскому радио, где он касается острейших проблем нашего дня: «Несколько стран ежегодно сдают коммунизму — и не вздрогнут: что же это делается? Надолго ли хватит стран?» Замечательна его отповедь врагам России из третьей волны, А. Янову, и Е. Клепиковой, как и его критика советского поэта Вознесенского. Наоборот, изумляет предложение переименовать Петербург в **Невгород!** Такое название как раз не в духе русского языка, никаких **Окоградов** или **Донгородов** не знающего; **Волгоград** — это чудовищное советское новшество.

Удивляют перепечатанные из неизданной книги суждения Л. Шестова о Тургеневе: если автор «Клары Милич» и «Песни торжествующей любви» был **реалистом**, то в реалисты надо зачислить и Гофмана. Сомнительны мысли Н. Струве о Ходасевиче: почему польско-еврейское происхождение сего последнего ему могло мешать стать русским поэтом и писателем, когда мы имели Сенковского и Булгарина, Надсона и Мандельштама?

Очень хороша обстоятельная и остроумная статья М. Бернштама «Упадок ремесла историка в новейшей западной историографии СССР». Зато совсем неубедительны и никакой ценности не представляют неумеренные похвалы В. Евдокимова по адресу Ю. Иваска!

В «Русской Мысли» от 1 февраля, М. Сергеев обо мне роняет: «правее его только стенка». Его бы устами да мед бы пить! Ведь именно справа на меня нападают С.

Ваулин в «Ниве», С. Женук в «Новом Русском Слове», и С. Войцеховский в «Нашей Стране». Если М. Сергеев считает, что они суть **стенка**, то что же? Я с ним согласен...

P.S. Досадная опечатка в прошлом «Обзоре» могла создать впечатление, будто я предполагаю, что Синявский стыдится за

свои писания. У меня же стояло по форме будущее время **испытает**, а по смыслу со- слагательное наклонение (если когда-либо поймет, что творит). Пока же, я не сомневаюсь!

В нем дремлет совесть.

Пробудит ли ее когда Господь? Единый Он — Сердцеведец...

Письма в редакцию:

САГА О КАЗАЧЬЕМ ГЕНЕРАЛЕ - ВЕШАТЕЛЕ ИЛИ БОЛЕЗНЕННЫЙ БРЕД ПИСАТЕЛЯ

Страшный сон приснился писателю: скачет на взмыленном коне белогвардейский казачий генерал по донским степям, по каменистым крымским дорогам... скачет, как казак колдун по Карпатам из повести Гоголя «Страшная месть». Ужасен облик генерала — весь он в крови, в одной руке нагайка, в другой — сверток намыленных веревок для виселиц. Где не остановится казачий генерал, — в станице ли, в селе или в городе, — первым делом расставляет виселицы, как рамы, сгоняет к ним честной народ, и начинает вешать. Однако по его пятнам мчатся дбоolestные буденовцы — надо спешить...

Доскакал генерал до Феодосии. Стоят в порту корабли, готовые принять недобитых белогвардейцев. Оглянулся генерал: кого бы на прощанье повесить? Видит идет писатель. Стой! не уйдешь, приятель. Набросил он на него петлю и поволол к виселице...

Проснулся писатель в лихорадке, весь в холодном поту, как Раскольников после кошмара с забитой кнутом лошаденкой.

— Откуда бы взялся проклятому генералу? — подумал писатель. — Аж в пот вотгнал со своей петлей, чтоб ему самому удавиться!

Хватил писатель стакан коньяка (хороший у французов коньяк «Енисей», не хуже армянского) и вспомнил. Читал он о казачьих зверствах и у Серафимовича, и у Фурманова, и у Бориса Лавренова и прочих сталинских лизоблюдов. А еще с измальства на пионерских собраниях, и позднее — на комсомольских собраниях, все время толдычили о белогвардейцах казачьих генералах-вешателях, о разных там Корниловых, Калединых, Дутовых, Науменко... клиньями забивали их злодейские имена в черепную коробку, да так глубоко, что сидят эти «вешатели» в мозгу и по сегодняшний день.

— А впрочем, мне и сон в руки. Нужно сей сон использовать, — немного успоко-

ившись решил писатель. — Выведу-ка я этого генерала на чистую воду, пусть не беспокоит во сне. Вчера написал я «Сагу о носорогах», вот и пристягну и казачьего генерала к прочим носорогам — чем он хуже? Итак:

«В прошлом белый генерал. Можно сказать, орел степной, казак лихой, хотя уже около ста. Дорога у него позади — от Новочеркасска до Феодосии — вся в виселицах, как в портретных рамках...»

Но сон то оборвался на последнем кровавом этапе казачьего генерала, в Феодосии. А что с ним дальше? Чем закончилась карьера вешателя? Придумаем и соответствующую концовку. На то я и писатель, а раз — писатель, то и — сочинитель:

«Но под старость в эмигрантском прозябании стал истекать охранительным патриотизмом. С аташе из советского посольства водой не разальешь... Сбылась голубая мечта: пол Европы под сапогом у России, знай наших... Провожая после скромного застолья дипломата, умиленно шамкает ему вслед вставными челюстями: — Вот это патриот, растуды твою качель, нашего — казачьего корня...»

И так далее, в том же духе. Занимательная и веселая сага вышла из под пера писателя. Занимательно, что русский генерал, «шамкая вставными челюстями» (у писателя и к ста годам вставных челюстей не будет), говорит на том советском жаргоне, который в ходу у старшин Советской армии. Неужели научился в Париже?

Однако, шутки шутками, но Владимиру Максимова можно задать и вопрос серьезный. Если такой белогвардейский генерал существует, то не мог бы он привести его — да не фамилию, а только инициалы? Нет спора, и среди т. н. белой эмиграции есть какие то, давно потерявшие способность мыслить логично — совпатриоты. Как говорится: в семье не без урода. Но разговор

идет не о них. Дело в том, что во Франции всех казачьих генералов можно пересчитать на пальцах одной руки. Их поведение во время Гражданской войны хорошо известно всему зарубежному казачеству, а во Франции — и всем русским эмигрантам, интересующихся общественной и политической жизнью русского зарубежья. И также хорошо известны и совпатриоты. Так вот, такого белого генерала, казачьего и не казачьего, который расставлял бы виселицы «от Новочеркасска до Феодосии», ни во Франции, ни в других странах — **нет**, как и нет белых генералов, которые говорили бы на советском жаргоне. Но в арсенале советской пропаганды белые генералы-вешатели и прочие белогвардейцы-расстрельщики — **есть**. К примеру, недавно в Америке показывался новый советский фильм «Рабыня любви». Постановщик фильма Никита Михалков, следуя заветам своего отца, великого брехуна сов. писателя Сергея Михалкова, так бесцеремонно заврался, что перешагивая большевистских лакеев Маяковского и Эренбурга. В своем фильме он представил дело так, как будто бы белогвардейцы расстреливали женщин и детей.

Приходится только удивляться и сожалеть, что писатель, превозгласивший себя антикоммунистом, идет по стопам Михалковых.

Однако, в своей «Саге» В. Максимов преподносит кое-что новое. Вот уже 60 лет твердит советская пропаганда, что, мол, белые генералы продавали территорию России иностранным империалистам: Мурманск и Кавказ — англичанам; Одессу и Таврический край — французам; Белоруссию — полякам; Украину — немцам; Дальневосточный край — то американцам, то — японцам. А по Максиму выходит, что белый генерал не только продавал империалистам Россию, но наоборот — мечтал (Голубая мечта!) подвести «под сапог России пол-Европы». (Почему бы — не всю?) Тут у писателя получилась неувязка. Но все же интересно было бы узнать, когда генерал-

вешатель начал мечтать о покорении пол-Европы: когда брал Царицын, шел на Москву или когда отступал в Феодосию?

Дело, конечно, не в «столетнем казачьем генерале». По существу, Максимов пытается очернить белых казаков и следовательно, всех участников Гражданской войны на стороне белых. Это его не первая попытка.

Но как бы коммунисты и другие марксисты разного толка, пилсудчики, гитлеровцы, сепаратисты-русофобы и прочие фашисты мелкого плаванья, а теперь и писатель В. Максимов, не поливали бы помоями белых генералов, дальнейшие события последовавшие в России после Гражданской войны с погребями ГПУ-НКВД-КГБ, с созданием Архипелага ГУЛаг и истреблением 60 миллионов населения, показали, что несмотря на ошибки и недостатки, **правы были все же они**, а не красные командармы и комкоры из полковников и поручиков царской службы — предатели Якум Вацетис, А. Егоров, М. Тухачевский, Генрикс Эйхе, Витовас Путна, Иероним Уборевичус и др., которые поспешив содрать с себя погоны, пошли добивать своих соратников по войне с Германией погоны снять не пожелавших. Но, как сказал Плутарх: «Предатели предают прежде всего сами себя»... и все они после награждения трижды-четырежды орденами красного знамени получили за свои заслуги от любимой советской власти еще один, последний орден — пулю в затылок в погребах НКВД. И уж только по одному этому можно судить: **кто был прав**. Но носорогам, выращенных на марксистских кормах, понять это не дано.

Чтобы не быть заподозренным в тенденциозной защите **своих**, сообщу, что я не казак, а поскольку во время Гражданской войны, так сказать, под стол пешком ходил, то в Белой армии служить не мог, о чем сожалею. А вот, в Красной армии, хотя и весьма короткое время, послужить довелось, о чем тоже сожалею.

Н. А. Нефедов.

Research Centre for Prisons
Psychprisons and Forsed-Labor
Concentrations Camps of the USSR.

Director A. Shifrin.

Журналу «Голос Зарубежья».

В трех номерах газеты «Русская мысль» в феврале 1979 г. появилась новая повесть В. Максимова «Сага о носорогах». На первый взгляд там как будто бы все верно: и ненависть к коммунизму, и насмешки над Иди Амином, и презрение к «искусство-

дам в штатском». Но давайте посмотрим: что лежит в подстрочнике этого диссидентского перезвона?

В самом начале автор преклоняет колени... перед человеком к лицу которого по его мнению подошла бы «белая тога с ма-

линовым пдбоем». Оказывается это... Эжен Ионеско. —

А левацких настроений и высказываний этого «римского сенатора» г. Максимов не знает?

О чем же г. Ионеско говорит и какие гениальные мысли его восхищают автора? Оказывается главное, что происходит в мире, это, по мнению г. Ионеско, «смертельная борьба между крупной и мелкуой буржуазией». Знакомый «аромат» политучебы в СССР... И дальше: — «Буржуа своими вставными челюстями переломали и приспособили себе на потребу все самое лучшее и святое, что выстрадано человечеством: свободу, культуру, религию»... Так вот и сказано: без стеснения. А уж на базе этого вступления г-н Максимов и развивает свои рассуждения и доказывает читателям (а у него они есть благодаря заботам буржуа Шпрингера), что выезжать из СССР не стоит. И не потому, что ностальгия замучает, а потому, что духовное преследование истинных интеллектуалов происходит и здесь на Западе: — «И огня да в полымя — стоило ли уносить ноги от диктатуры государственной? В известном смысле здесь то же самое: цензура, деление на своих и чужих, издательский и критический бойкот, конформизм наизнанку, только под респектабельным демократическим соусом».

После этого г-н Максимов рисует целую галерею портретов западных «носорогов» среди которых он живет и мучается. Картина получается, прямо скажем, неприглядная, так как трется г. Максимов явно не среди лучшей части человечества. Портреты все равны. Я не хуже г. Максимова знаю и снобизм и внутреннюю холодность тех, кто стоит наверху: по пословице мы знаем, что плавает наверху... Но разве это лицо Запада? Кто-то ведь боролся за г. Максимова и многих его друзей, когда они были еще в лапах СССР, кто-то ведь борется и сегодня за оставшихся? Причем все это люди, которым беды страдающих в СССР могли бы быть абсолютно безразличны. Можно пожелать г. Максиму сделать для оставшихся столько, сколько делают честные люди на Западе. Ведь они годами делают все вновь и вновь то, что в их силах, помогая и духовно и материально тем, кого никогда и в глаза не видели. Могут ли поучающие других эмигранты «третьей волны» похвалиться этим же? Потом эти же люди на Западе выслушивают злобствование господ максимумов. Но не стоило бы вступать в полемику и опровергать плевки г. Максимова, если бы я в его повести не увидел большее, чем очередного статейку «бывшего дисси-

дента» поучающего тех, кто его вытянул из дерьма. Однако эта писанина подрывает в людях, оставшихся в СССР, всякую надежду на то, что есть нечто в мире, на что можно опираться!

Вот смысловая нагрузка этой «работы», вот какую «весть» несет она в СССР.

Хотелось бы спросить: для чего? Поневоле вспоминаются мысли Аркадия Белинкова о том, что для людей в СССР свободы Запада настолько недосыгаемы, что западные интеллектуалы этого не могут понять, т. к. они к своим свободам и правам привыкли и не считают их чем-то особенным. Играя в «левизну» всех оттенков эти западные заевшиеся недоумки еще кричат, что их права попирают! И г. Максимов поет им в тон: они его поймут и поддержат! А иначе-мыслящие в СССР прочтут и скажут: «Ну вот, надежд нет, западные свободы это блеф; хоть на запретку кидайся...»

Не этого ли и добивается г. Максимов? И позволительно будет спросить: кто его на это надоумил?

Я помню, как некий тоже бывший диссидент г. Ж. Медведев осмелился внушать на прессконференции в США, что в СССР и аресты уже прекратились и свободы становятся все больше и больше. И все это под прикрытием своих бывших двухнедельных страданий в психобольнице (будущее еще покажет для чего ему эту психушку власти советские устроили...) Теперь вряд ли кому-нибудь неясно, что из себя представляет г. Ж. Медведев. Вот и г. Максимов еще стоит на трибуне, вывезенной из СССР: — «я диссидент!». Но читаем то, что пишет он и поневоле вспоминается одно из основных положений римского права. «Кому выгодно?».

А. Шифрин.

Главный редактор: В. Пирожкова

Секретарь редакции: И. Сабурова

Verantwortlich fur den Inhalt:

V. Piroshkova

**Адрес редакции: Frau I. Saburova
Regattaweg 88
D-8000 Munchen 50
BR Deutschland**

Банковский счет —

**Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 Munchen, Konto Nr. 2760094318**

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»
Сан Франциско, Калифорния, С.Ш.А.
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

